

к 75-летнему юбилею

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Б. И. Пугинский

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

СБОРНИК К 75-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Москва ■ 2016

Автор:

Пугинский Борис Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Пугинский, Б. И.

П88 Избранные труды : сборник к 75-летию юбилею / Б. И. Пугинский; вступит. ст. В. А. Томасова ; составители — коллектив преподавателей кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 522 с. — Серия : Антология мысли.

ISBN 978-5-9916-6827-9

Книга представляет собой сборник избранных трудов Бориса Ивановича Пугинского, издаваемый по инициативе его друзей, почитателей, учеников и коллег по кафедре коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, которую Б. И. Пугинский создал и бессменно возглавлял на протяжении более 20 лет. Поводом к его изданию стал 75-летний юбилей автора. В сборнике перепечатываются главный научный труд Бориса Ивановича — монография «Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях» (1984), брошюра «Договорная дисциплина» (1985), а также статьи разных лет по отдельным вопросам коммерческого права, юридической науки и практики.

Переиздаваемые труды могут быть рекомендованы для изучения студентам (бакалаврам и магистрам), использованы в процессе научной и педагогической работы аспирантами и преподавателями юридических вузов, занимающимися проблемами частного, гражданского и коммерческого права, а также общей теории права.

УДК 34
ББК 67.4

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

Оглавление

Дорогой Борис Иванович	7
<i>Томсинов В. А. Борис Иванович Пугинский: очерк жизни и творчества (к 75-летию юбилею)</i>	12
От составителей	27
Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях (1984)	29
Введение	29
Глава I. Исходные идеи теории правовых средств	32
§ 1. Объект и предмет исследования	32
§ 2. Система норм или деятельность?	36
§ 3. Методологические принципы проведения исследования	45
§ 4. Системный анализ правовой деятельности	53
§ 5. Конкретно-научные методы исследования	58
Глава II. Содержание правовой деятельности	62
§ 1. Элементы правовой системы	62
§ 2. Связи правовой системы	71
§ 3. Нормы и юридически значимые действия	79
Глава III. Сущность правовых средств	89
§ 1. Определение правовых средств	89
§ 2. Классификация правовых средств	94
§ 3. Правовые средства и регулирование общественных отношений	97
§ 4. Границы изучения правовых средств	102
Глава IV. Основные виды правовых средств	106
§ 1. Гражданско-правовой договор	106
§ 2. Недоговорное обязательство	121
§ 3. Средства обеспечения реализации прав и юридических обязанностей	124
§ 4. Отдельные правовые средства вспомогательного характера	140
§ 5. Средства, регулирующие участие субъектов в гражданском обороте	149
Глава V. Направления развития теории гражданско-правовых средств	159
§ 1. Прогностические возможности концепции	159
§ 2. Функции гражданско-правовых средств	168
§ 3. Организация применения правовых средств	175
§ 4. Эффективность применения правовых средств	179

Договорная дисциплина (1985)	193
Введение	193
Что такое договорная дисциплина	194
Договорная дисциплина — залог эффективного хозяйствования	199
Роль законодательства в укреплении дисциплины.....	203
Государственное управление и дисциплина	207
Дисциплина начинается с организации	212
Резервы улучшения договорной работы	216
Трудовой коллектив и выполнение договоров	221
Стимулы договорной дисциплины	225
Ответственность за неисполнение договоров	228
Приложение	233
Литература.....	236
Проблемы коммерческого права	237
Проблемы участия России в ВТО (2013).....	237
Понятие коммерческого права (2012).....	248
Правовое регулирование качества товаров (2009)	262
Проблемы регулирования торгового посредничества (2008).....	271
Научное обеспечение разработки Торгового кодекса России (2007)	281
Лишний посредник (2006).....	298
Развитие коммерческого права в современных условиях (2002).....	302
Договор оптовой купли-продажи (1999)	319
Договор поставки. Оптовая торговля (1993)	325
Обязательства по возврату и сдаче тары (1989).....	349
Приемка продукции по количеству и качеству (1989)	364
Структура договорных связей по поставкам продукции и товаров (1973).....	384
Проблемы правоведения и юридической практики	394
Инструментальная теория правового регулирования (2011)	394
О принципе добросовестности в научных публикациях (2011).....	401
Методологические вопросы правоведения (2010)	409
Проблемы ответственности в частном праве (2010).....	423
Понимание права с позиций современной цивилистики (2007).....	434
Частный договор в научной картине права (2005).....	446
Составные обязательства в гражданском праве (2003)	458
Состояние и перспективы развития юридических служб (2003)	473
О норме права (1999).....	478
Правоорганизующая деятельность арбитража (1986)	488
Критерии оценки эффективности работы юридических служб (1979).....	496
Применение принципа вины в хозяйственной деятельности (1979)	502
Библиография трудов Б. И. Пугинского	512

Дорогой Борис Иванович (несколько слов от друзей и коллег)

Когда в 1992 году меня, аспирантку кафедры гражданского права, профессор Е. А. Суханов привел к Борису Ивановичу и сказал: «Вот замечательный кандидат на должность ассистента для Вашей вновь создаваемой кафедры, Борис Иванович», я готова была услышать любой комментарий моего будущего шефа. Меня удивили его незабываемая улыбка и слова, которые он произнес, узнав тему моей кандидатской диссертации: «Ну что ж, посмотрим, как ей удастся совместить благотворительные организации с коммерческим правом».

С первых дней моей работы на кафедре коммерческого права под руководством Бориса Ивановича он раскрылся в совершенно новом качестве по сравнению с тем, каким его знают и перед кем трепещут студенты и аспиранты юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Это сейчас я знаю, что Борис Иванович всегда поддерживает новые идеи и готов идти на эксперименты в науке. За время общения с Борисом Ивановичем он научил меня многому: упорству в достижении цели, обстоятельности в аргументации, умению сохранить ценностную суть в условиях изменяющегося окружения, разглядеть в каждом человеке его лучшие качества, чувству юмора и неистребимому оптимизму в любых условиях. Я бесконечно благодарна ему за это.

Мой Борис Иванович — это яркая звезда в плеяде профессоров факультета. Сияйте, уважаемый профессор!

Е. А. Абросимова

Уважаемый Борис Иванович, поздравляю Вас с юбилеем!

Вы для меня всегда были и остаетесь хорошим учителем, наставником и другом, за что я Вам очень благодарен. Я рад, что Вы у меня есть. Мне всегда везло с учителями, а с Вами повезло вдвойне. За это я благодарен судьбе! Дай Бог Вам много лет жизни, здоровья, счастья и творческих успехов. Мы в Вас нуждаемся!

Искренне Ваш,

А. Т. Амиров

Когда я учился, коммерческого права еще не преподавали и у нас еще не было повода стращать друг друга Вашими экзаменами. Но советское

гражданское право было, и я отлично помню, как студенты вечернего отделения, где Вы его читали, при одном упоминании Вашего имени сперва благоговели, а потом принимались наперебой пересказывать Ваши лекции. Помню, как Вы принимали у меня вступительный экзамен в аспирантуру, как скривились при упоминании о том, что объектами прав являются вещи и с каким облегчением Вы выдохнули, когда я сказал, что дело в конечном счете не в объекте, а в интересе. Помню, как коллеги-цивилисты разругали мою кандидатскую о коммерческих банках, написанную на основе... Вашей теории гражданско-правовых средств. Помню как Вы, будучи оппонентом на защите моей докторской, критиковали ее так, что после несколько человек мне сказали: «Он вроде как и ругал тебя, но делал это так, как другие не похвалят!» Никогда не забуду, как Вы приютили меня у себя на кафедре, как предложили заняться разработкой проблематики международного торгового права, как ругали мою статью о понятии обязательства и курс о ценных бумагах, но хвалили статьи о складских свидетельствах и курс по расчетно-кредитным отношениям...

Дорогой Борис Иванович! Я не могу назвать себя Вашим учеником в классическом смысле этого слова. Вы не читали мне лекций, не вели семинаров, не руководили моими работами. И все же с Вами, Вашими книгами и статьями у меня связано множество воспоминаний — самых позитивных, полезных, плодотворных, оптимистических, теплых, исключительно приятных. А потому — сердечное спасибо Вам за то, что Вы есть, за то, что являетесь собой образец высочайшей профессиональной компетентности, научной добросовестности, умения понимать и ценить людей. От всей души поздравляю Вас с юбилеем! Здоровья Вам, долголетия, способных учеников, достойных критиков и благодарных почитателей.

В. А. Белов

Дорогой Борис Иванович, хочется сказать спасибо за очень многое...

Прежде всего, за то, что многие годы (большую часть моей жизни!) Вы являетесь для меня настоящей опорой, тем человеком, который может и хочет помочь в самых разных жизненных ситуациях. Я пришла к Вам студенткой, можно сказать, прибежала на кафедру в последний момент, уже на пятом курсе, и ни разу об этом не пожалела. Под Вашим руководством я защитила кандидатскую и докторскую диссертации и все эти годы знала, что есть человек, который поддержит, подскажет, поможет.

Спасибо Вам за то, что Вы умеете радоваться успехам других, успехам Ваших учеников, к которым я с огромной гордостью отношу и себя. Но, может, еще более важно то, что Вы умеете не только радоваться, Вы умеете и переживать вместе с нами. Вы страдаете при наших неудачах ничуть не меньше нас самих, а это действительно дорогого стоит.

Спасибо, что научили меня бороться за то, во что веришь. Благодаря Вам и Вашей научной жизни я понимаю, как трудно бывает сделать следующий шаг вперед, преодолеть очередной барьер. Вы научили меня быть сильной и не сдаваться...

А. Н. Варламова

Учитель, Наставник, Профессионал, Ученый-исследователь, Авторитет и безусловный Лидер — все это те роли, которые Вы, дорогой и безмерно уважаемый Борис Иванович, сыграли в моей жизни, тем самым во многом определив мое профессиональное будущее. Вы даже не представляете, какое громадное Вам за это спасибо! Сердечно благодарю и поздравляю Вас.

И. Г. Вахнин

Дорогой Борис Иванович! Вы — профессионал и классик российской юридической науки, не каждому дано работать и учиться у Вас и с Вами. Ваши незабываемые лекции учат многие поколения юристов, которые с благодарностью помнят и цитируют их. К Вам обращаются за советом и решением таких дел, которые, казалось бы, невозможно решить, министры и государственные деятели, академики и простые граждане. Спасибо, что Вы есть, дорогой Борис Иванович! С юбилеем!

Е. И. Гена

Дорогой Борис Иванович!

Мне в жизни выпала редкая удача — встретить Вас, Учителя с большой буквы. У Вас удивительный дар, в людях Вы видите искру таланта и даже самую маленькую искорку Вы не гасите, а делаете все возможное и невозможное, чтобы обеспечить «равномерное горение». Вы не читаете нотаций, а мягко направляет, открывает горизонты и дарите вдохновение. Вы переживаете с нами неудачи и поражения, а нашим успехам Вы радуетесь больше, чем мы сами, Ваши ученики. Вы научили нас никогда не останавливаться, идти вперед, бороться за свои убеждения и принимать новые вызовы. Благодарю Вас, дорогой Учитель! Счастья, здоровья и новых учеников!

Е. В. Измайлова

Дорогой Борис Иванович! Вы — мой бессменный научный руководитель, вдохновляющий на исследования в области современной торговли вот уже на протяжении 20 лет! Ваше научное руководство началось с нашей первой встречи, когда я, будучи студенткой 3 курса, отстояла в двухчасовой очереди к Вам на консультацию и попросила «посоветовать» тему курсовой работы. Прошло несколько лет, и Вы оказали мне великую честь, пригласив работать на любимую кафедру. А потом я защищала под Вашим руководством кандидатскую диссертацию: без Ваших идей и советов работа не была бы такой плодотворной, да и вряд ли могла бы состояться. У Вас свой собственный, совершенно особый стиль научного руководства. Он сочетает в себе, с одной стороны, научную принципиальность, с другой — мягкость, благодаря которой исследователя не оставляет решимость дойти до завершающего этапа. Спасибо Вам, Борис Иванович, за вашу внимательность и поддержку! От всей души поздравляю Вас с юбилеем!

В. А. Маслова

Дорогой Борис Иванович, благодаря Вам я научился мыслить научно, а не летать в облаках и не гоняться за химерами интеллекта, — я обрел почву под ногами в науке. Вы учитесь «непрописным истинам», учитесь быть строгим и мягким, но, самое главное, — прививаете научную честность. Ту самую честность, за которую в веках минувших сжигали на костре, а в наше время всячески преследуют и изводят. Вы учитесь выживать и в этой ситуации — учитесь понимать людей, выделяя среди них тех, кому можно откровенно раскрыть свои мысли, и тех, кому такие откровения могут стать поперек горла. Все это кажется очень простым только до тех пор, пока не начинаешь работать самостоятельно, а работать самостоятельно я могу именно благодаря Вам.

И. П. Петраш

Уважаемый Борис Иванович!

В этот знаменательный день разрешите поздравить Вас с юбилеем. В ходе работы под Вашим руководством на протяжении четверти века родилось много идей и был разработан ряд проектов. Вы вырастили целую плеяду талантливых людей и продолжаете передавать свой богатый жизненный опыт молодежи. Желаю Вам здоровья, счастья, мира и добра.

С уважением,

В. А. Северин

Поздравляя с юбилеем Вас, Борис Иванович — человека, которого я знаю, уважаю и люблю уже более 35 лет — я хочу воспользоваться рассуждениями китайского мудреца Конфуция: «Человек высокой духовной жизни, высший человек, не перестанет трудиться до тех пор, пока не останется ничего, чего бы он не изучил, или пока в том, что он изучает, не останется ничего непонятного для него. Но пока есть что-нибудь такое, чего он не исследовал, есть что-нибудь, чего он не понимает, он не успокоится. Он не успокоится до тех пор, пока есть что-нибудь непонятное из того, о чем он размышлял... — Добродетель не бывает одинокой, у нее непременно есть последователи... — Тот, кто знает учение, уступает тому, кто находит в нем истинное удовольствие».

Борис Иванович! Для меня Вы — основатель одной из первых в постсоветской России кафедр коммерческого права, науки и учебной дисциплины, блестящий оратор, бескомпромиссный ученый и добрейший человек.

Т. Э. Сидорова

Дорогой Борис Иванович, с искренней благодарностью за вдохновение, поддержку, которую Вы даете, хочу поздравить Вас с юбилеем и пожелать, чтобы Ваши светлые идеи жили и продолжались в Ваших учениках, внедрялись в правовую работу; Ваше отношение к законности продолжало

остаться высочайшим стандартом в профессии юриста, делу обучения которой Вы посвятили значительную часть жизни. Успехов Вам!

С. Ю. Филиппова

*Дорогому и многоуважаемому
Борису Ивановичу Пугинскому*

Представился случай раскрыться душою
И выразить искренне чувства свои.
Большое спасибо за помощь, поддержку,
Советы, что в жизни моей помогли!

Знакомы уже мы почти два десятка
Учебных и календарных годов.
Признаюсь, учиться у Вас, как и прежде,
С огромным желаньем я снова готов.

Надеюсь, уверен и не сомневаюсь,
Что многократно еще обращусь
За мудрою мыслью, идеей и словом,
И на занятия к Вам попрошусь!

С. В. Халипов

Есть такое выражение — «Человек с большой буквы». Крайне редко мы встречаем в своей жизни подобных людей, но если уж судьба сводит нас с ними — иначе, как подарком судьбы это не назовешь. Дорогой Борис Иванович, Вы являетесь именно таким человеком — Человеком с большой буквы!!! И я очень-очень рад, что судьба подарила мне возможность быть Вашим учеником и младшим коллегой.

И. В. Цветков

Борис Иванович Пугинский: очерк жизни и творчества (к 75-летию юбилею)

Жизнь ученого сама по себе, как правило, — довольно скучное явление. Ее главное течение находится преимущественно в сфере идей, а главные события заключаются чаще всего лишь в издании новых книг. Описание такой жизни трудно сделать сколько-нибудь занимательным для чтения. Но если жизнь ученого соединить с судьбой его страны, то многое в этой жизни станет для прочтения интересным, а в чем-то даже и поучительным.

* * *

Борис Иванович родился в 1941-м — в судьбоносный для нашей страны год. Каким бы ни представлялся он в популярных ныне в России древневосточных календарях, в русском календаре это — беспросветно черный год. В тот день, когда немецко-фашистские полчища обрушились на наше Отечество, Борису Пугинскому не исполнилось еще и полугода.

Город Елец, в котором он появился на свет, впервые упоминается в русских летописях под 1146 годом (на год раньше Москвы). В старину это был город-крепость, защищавший русские земли от разного рода завоевателей. С середины XVII века Елец стал развиваться в качестве поселения ремесленников и торгового города. Во время Великой Отечественной войны ему суждено было еще раз сыграть роль крепости-преграды на пути завоевателей. 4 декабря 1941 года немцы вошли все же в Елец, но лишь на десять дней — 14 декабря наши войска освободили город от захватчиков. Елецкий железнодорожный узел играл огромную роль в снабжении Красной армии боеприпасами, снаряжением, продовольствием. Немцы вплоть до августа 1943 года пытались его уничтожить с помощью авиации, совершив за двадцать месяцев более 3000 налетов, нередко массированных. Бомбардировке часто подвергались и городские дома. Такова была судьба всех русских прифронтовых городов. За мужество и стойкость в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Указом Президента Российской Федерации от 8 октября 2007 года Елец был удостоен звания «Города воинской славы».

В городе Ельце прошли и детство, и юность Бориса Ивановича Пугинского. Его отец являлся профессиональным военным. Будучи в звании капитана, он был демобилизован в связи с ранением, полученным на фронте, из рядов Красной Армии. «Мать всю трудовую жизнь работала учительницей физики в школе, — рассказывал Борис Иванович в одном из своих интервью. — Человек, бесспорно, праведный; бесхитростна, незлобива, великая труженица. На ней лежала основная нагрузка по дому. Воспитывать

нас, троих детей, ей было особенно некогда. Однако влияние ее несомненно и оно — самое хорошее»¹.

Воспитывала Бориса Пугинского, как и всякого мальчишку в то время, и улица — коллектив таких же как он мальчишек, проводивших свободное время в совместных играх или в других увлекательных занятиях. По вполне понятным причинам послевоенные русские мальчишки чаще всего играли в войну, изображая схватки и бои с немецкими фашистами и непременно их побеждая. Военные игры были самым распространенным времяпрепровождением в мальчишеской среде российских городов и сел и десять, и пятнадцать лет спустя после самой кровавой и страшной в истории нашего Отечества войны. Я хорошо помню, как играл со своими сверстниками-мальчишками в такие игры в начале 60-х годов и как сильно жалел, что родился слишком поздно и не успел попасть на ту, настоящую, войну.

Кроме улицы, еще одним воспитателем Бориса Пугинского в его мальчишеские годы были книги, которые он читал запоем. Сначала перечитал все печатное, имевшееся дома (даже журналы «Педагогика в школе») и все мало-мальски интересное в детской библиотеке, после этого упросил записать себя, в 12-летнем возрасте, во взрослую библиотеку. Любовь к чтению помогала ему хорошо учиться без того, чтобы прилагать для этого какие-либо особые усилия.

В десятом классе Борис Пугинский побывал на встрече с выпускником своей школы, учившимся на юридическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. От него он впервые узнал о том, что есть такое учебное заведение, где обучают юридическим профессиям. Выбор был сделан, и в 1960 году Борис Пугинский поступил на юридический факультет МГУ. «Студенческие годы были очень насыщенными, — вспоминал он много лет спустя о своей учебе. — Юридических знаний казалось недостаточно, они в основном были малоинтересными. Запомнились лишь несколько ярких и глубоких лекторов — П. Н. Галанза, Н. Г. Александров, А. А. Мишин и др. Получил разрешение вдобавок к юридическому учиться на экономическом факультете. Прозанимался там два с лишним года, пока не понял, что эти знания можно получить проще — прочитывая журнал «Вопросы экономики». Два года посещал курс общей психологии тогдашнего декана психфака А. Н. Леонтьева². Невероятно ин-

¹ Брежнев М. Борис Пугинский — отец коммерческого права // Российский Кто есть кто. Журнал биографий. 2007. № 3. С. 25.

² Свои знания в области психологии и, в частности, знакомство с идеями А. Н. Леонтьева, с его теоретическими разработками такого явления, как деятельность, Б. И. Пугинский будет впоследствии применять при разработке теории договорного регулирования. В его книге по этой теме можно прочитать следующее: «Современная психология сводит проблему воли к выбору того или иного возможного действия. Между тем свобода воли — это принципиально большее, чем простая свобода выбора. Можно иметь волю, но не иметь свободы воли, т.е. способности ее реализовать. Воля субъектов в договоре есть свободно творящее начало. Свобода воли включает в себя возможность активного творческого поиска и созидания, которые сами значительно расширяют возможности самостоятельной постановки целей и их достижения. Волевая деятельность субъектов непосредственно связана с ответственностью за ее результат, когда субъект не смог правильно оценить обстановку и сделать верный выбор» (Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. М. : Зерцало-М, 2008. С. 69).

тересно было узнавать о человеческой психике, как возникает и что представляет собой любовь и другие чувства, как формируется человеческая личность. Я исписал две большие общих тетради в клеенчатой обложке и храню их всю жизнь».

Кроме этого студент Пугинский ходил на лекции по сценическому искусству в Высшее театральное училище имени Бориса Щукина — в «Щуку». После них он стал с бóльшим интересом смотреть театральные спектакли. А 60–70-е годы XX века были временем расцвета театрального искусства в Советском Союзе. Театр имени Вахтангова на Арбате («Щука» была именно при нем), МХАТ, БДТ, Театр на Таганке, Ленком, Театр имени Маяковского — названия этих и других московских и ленинградских театров произносились с намного большим пиететом, чем слова «Политбюро КПСС» или «Верховный Совет СССР».

В 1963 году Борис Пугинский начал заниматься и в Московском методологическом кружке выдающегося русского философа и методолога Георгия Петровича Щедровицкого (1929–1994). Впоследствии вспоминая о нем, Борис Иванович скажет: «Семинар Г. П. Щедровицкого подвергался преследованиям, причем, как сейчас понятно, исключительно по дурости властей. Аналогично “зжимались” в советский период социология, математическая логика, генетика и ряд других научных направлений. Преследования велись путем лишения помещений для занятий и невозможности научных публикаций. Участники семинара — человек до 50 студентов и аспирантов из различных вузов — кочевали по Москве, собираясь даже в школьных спортзалах, пока соответствующая структура не добивалась изгнания нас оттуда. Между тем ничего, кроме пользы для страны, эта научная группа не хотела и не делала»¹.

В трудах Г. П. Щедровицкого² Б. И. Пугинский найдет для себя то, что отсутствовало и до сих пор отсутствует в юриспруденции. Сам Борис Иванович спустя годы напишет об этом: «В современном правоведении не разработана методология, с помощью которой можно адекватно описывать и изучать правовую деятельность. Попытка исследования договорной деятельности представлялась бы безнадежной, если бы не накопленный во второй половине XX в. огромный опыт построения как общей теории деятельности, так и предметных (частных) деятельностных направлений науки. Выдающимся отечественным методологом Г. П. Щедровицким, философами В. Н. Садовским, Э. Г. Юдиным и другими разработаны общие начала и принципы данного научного подхода, применяемые в общетеоретических и прикладных исследованиях человеческой деятельности... Важнейшими исходными положениями названной теории, успешно реализовавшимися в конкретных исследованиях, можно считать следующие. Фундаментальным является понимание того, что **деятельность должна рассматриваться как система**. В этой связи иногда говорится о системомоде-

¹ **Российский Кто есть кто**. Журнал биографий. 2007. № 3. С. 26.

² См., напр.: *Щедровицкий Г. П.* Проблемы методологии системного исследования. М., 1964; *Его же*. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии. Обнинск, 1974; *Его же*. Философия. Наука. Методология. М., 1996; *Его же*. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005; *Его же*. Знак и деятельность. Кн. 1. М., 2005; Кн. 2. М., 2006. Кн. 3. М., 2007 и др.

ательностном подходе как общем обозначении данной методологии»¹. Упомянутые в приведенной цитате философы Вадим Николаевич Садовский (род. 1934) и Эрик Григорьевич Юдин (1930–1976) являлись членами методологического кружка Г. П. Щедровицкого. Кроме них в этот кружок входили такие крупные русские мыслители, как А. А. Зиновьев², М. К. Мамардашвили и др.

Когда в 1965 году Борис Пугинский закончил юридический факультет Московского государственного университета, получив диплом с отличием, он продолжил учебу на двухгодичном переводческом факультете Института иностранных языков. Одновременно он работал в должности юрисконсульта в Министерстве торговли СССР.

Летом 1968 года произошло поворотное событие в трудовой биографии молодого правоведа — он был принят на службу в Государственный арбитраж РСФСР³ на должность государственного арбитра. Позднее он занял пост начальника отдела, затем стал членом коллегии Госарбитража, а в 1979 году был назначен заместителем Главного арбитра РСФСР. В этом качестве Борис Иванович прослужил до 1992 года.

В то время, когда Б. И. Пугинский начинал свою службу в Государственном арбитраже, тот не представлял собой единой для всей страны системы. Арбитражные организации существовали в каждом областном и республиканском центре и были разобщены между собой. Это мешало установлению единообразной судебной практики в их деятельности и в целом ослабляло каждую из них. Формирование единой системы государственного арбитража в России было назревшей мерой, но и очень трудным делом. Ведь предстояло объединить в один организм более 70 разрозненных арбитражных органов. Эта мера была осуществлена при самом деятельном участии заместителя Главного арбитра России Б. И. Пугинского.

Работа в Государственном арбитраже дала Борису Ивановичу бесценный практический опыт разрешения судебных споров. При этом он не прекращал занятий юридической наукой. В 1974 году Б. И. Пугинский защитил кандидатскую диссертацию по теме «Плановые акты и условия договора поставки»⁴. В том же году началась его преподавательская деятельность на юридическом факультете Московского государственного университета:

¹ Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. С. 117.

² О высокой оценке Б. И. Пугинским трудов выдающегося русского философа-логика Александра Александровича Зиновьева (1922–2006) свидетельствует следующее высказывание в книге «Теория и практика договорного регулирования»: «Общие критерии для различения отношений и связей были предложены выдающимся логиком и методологом А. А. Зиновьевым. На основе сопоставления объектов в различных ситуациях им раскрыта сущность категории “связь”. Основным ее значением признано то, что связь выражает состояние зависимости объектов или свойств объекта (объектов). Доказана особая логическая природа знаний о связях, что суждения о связях подчиняются иным логическим правилам выведения, нежели высказывания об отношениях. Показано также, что различные основания взаимообусловленностей порождают разные типы связей. Эти разработки и в настоящее время признаются фундаментальными» (там же. С. 34–35).

³ Впоследствии Высший арбитражный суд Российской Федерации.

⁴ См. изданную на основе этой диссертационной работы книгу: Пугинский Б. И. Договор поставки и план реализации. М., 1975.

молодому преподавателю поручили читать лекции по гражданскому праву, хозяйственному праву и вести спецкурсы по кафедре гражданского права.

В 1980 году Борис Иванович опубликовал книгу «Правовые средства обеспечения эффективности производства», в 1984 году — книгу «Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях». В 1985 году им была успешно защищена докторская диссертация на тему «Основные проблемы теории гражданско-правовых средств».

Приведенный краткий перечень научных трудов Б. И. Пугинского показывает, что к середине 80-х годов, к началу так называемой «перестройки», закончившейся трагедией для огромного государства-мира под названием Советский Союз, он был уже сложившимся ученым-правоведом и вполне мог уже тогда посвятить себя профессорской работе. Но Государственный арбитраж воспринимался им как очень интересное поле деятельности. «Это нечасто встречающаяся возможность соединить удовлетворение от дела с зарабатыванием куска хлеба», — такими словами Борис Иванович характеризовал позднее свою службу на посту заместителя Главного арбитра России.

Распад СССР изменил судьбы советских людей и часто самым драматичным образом. Самостоятельное Российское государство — самый крупный обломок великой Советской империи — хотя и возникло на основе РСФСР, по сути формировалось заново. Впрочем, слово «формировалось» здесь — слишком большое приукрашивание действительности. То, что называют сейчас государством «Российская Федерация», строилось без какого-то плана, без какого-либо понимания сущности государственности, без ума и совести, но самое главное — без любви к своей стране. Государственное здание оказалось снизу доверху заполненным случайными людьми, озабоченными исключительно собственными эгоистическими интересами, стремившимися любыми способами и как можно быстрее сколотить себе состояние. Боялись, что время, когда можно безнаказанно грабить свою страну, свой народ, скоро закончится, что на смену глуповатому и вечно пьяному коменданту государственного здания придет умный и жестокий, проникнутый патриотизмом человек, который начнет очищать его от паразитов и затеет новое строительство, чтобы создать настоящее государство, способное служить всему народу, а не кучке бессовестных дельцов. Сейчас очевидно, что напрасно они боялись, а мы — напрасно надеялись.

«*Были времена хуже — подлее не бывало!*», — писала в рассказе «Счастливые люди» забытая ныне русская писательница XIX века Надежда Дмитриевна Хвоцинская¹. Живший в одно время с ней поэт Николай Алексеевич Некрасов вставил это восклицание в свою поэму «Современники», слегка изменив порядок слов. Именно в некрасовском варианте эта фраза часто повторяется ныне в России — «*Бывали хуже времена, но не было подлей*».

В такие времена почти невозможно оставаться человеком ума и совести, пребывая на государственных должностях, и очень трудно — в предпри-

¹ Названный рассказ был опубликован Н. Д. Хвоцинской в 1874 г. в № 4 журнала «Отчужденные записки» под псевдонимом «В. Крестовский».

нимательстве. И едва ли не единственным полем деятельности, где это еще возможно без чрезвычайных усилий и подвигов, оказывается университет (если он настоящий), то есть преподавание, наука, литература.

В 1992 году Б. И. Пугинский покинул государственную службу и перешел на основную работу в славный и крепкий своей более чем двухвековой историей Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Он возглавил на юридическом факультете созданную в указанном году на базе кафедры основ советского права и методики правового воспитания новую кафедру — коммерческого права и основ правоведения. Начался новый период в жизни и деятельности Бориса Ивановича Пугинского.

В последние два десятилетия название «университет» заметно обесценилось вследствие того, что его стали присваивать почти любым высшим учебным заведениям, в которых существовало несколько факультетов. Между тем, если мы задумаемся над сущностью такого явления, как УНИВЕРСИТЕТ, обратимся к историческому опыту существования учебных заведений, называвшихся с эпохи Средневековья «университетами», то непременно придем к выводу о том, что представление об университете лишь как об учебном заведении, состоящем из множества факультетов, искажает подлинную сущность этого явления. На самом деле он отличается от учебного заведения другого типа не количественными, а качественными параметрами.

Современный университет является по своей сущности не только учебным заведением, дающим высшее образование, но также учреждением, предназначенным для ведения научных исследований, для производства новых научных идей. Научная деятельность этого учреждения не должна ограничиваться лишь применением научных достижений к практике, она должна иметь творческий характер. Университет — это одновременно и учебное заведение, и **орган развития науки**.

Вместе с тем университет — это не только учреждение, готовящее специалистов для государственного управления, промышленности, образования, медицины и других сфер общественной деятельности, но одновременно и учреждение, готовящее ученых, — *инкубатор для выращивания людей, способных к научному творчеству, обладающих даром развивать науку*.

Университетская кафедра в свете такого понимания сущности университета должна действовать не только в качестве преподавательского коллектива, но и как группа ученых-исследователей, творцов научных идей. А это означает, что университетской кафедрой может эффективно руководить в полном соответствии с назначением университета только крупный ученый — человек, добившийся высокозначимых результатов в своей научной деятельности и потому способный вести за собой коллектив кафедры, оценивать надлежащим образом научные достижения преподавателей, создавать в рамках кафедры духовную атмосферу, необходимую для плодотворных научных исследований.

Борис Иванович Пугинский оказался именно таким руководителем кафедры. Благодаря его усилиям кафедра коммерческого права сформировалась как преподавательское и научное сообщество, выделяющееся среди других кафедр факультета своим творческим потенциалом. Выражением этого потенциала стали десятки книг и сотни статей, опубликованных пре-

подавателями кафедры¹. Кафедра издает на базе издательства «Зерцало» журнал «Коммерческое право», основателем и ответственным редактором которого является профессор Б. И. Пугинский². На базе кафедры регулярно проводятся всероссийские и международные научные конференции.

В последние годы под руководством Б. И. Пугинского на кафедре развернулась планомерная работа по переводу на русский язык и публикации основополагающих юридических документов Европейского Союза, регулирующих торговые отношения³. В сентябре 2011 года преподавателем кафедры стал, по приглашению Б. И. Пугинского, профессор Вадим Анатольевич Белов. Благодаря ему изучение международного торгового права в рамках кафедры приобрело системный характер, превратилось в особое направление кафедральной научной и преподавательской деятельности. Об этом свидетельствует целая серия недавно опубликованных профессором В. А. Беловым работ в этой области юриспруденции⁴.

¹ См., например, книги, изданные в издательстве «Зерцало»: «Конкурентное право» А. Н. Варламовой, «Коммерческая тайна в России» В. А. Северина, «Правовое регулирование маркетинга» Е. В. Измайловой, «Техника договорной работы» И. Г. Вахнина, «Применение инкотермс в международном и внутреннем торговом обороте» О. В. Фонотовой, «Возмещение убытков как вид ответственности в коммерческой деятельности» В. С. Евтева, «Правовая работа» Б. И. Пугинского и О. Г. Неверова и др.

² К настоящему времени вышло в свет 16 номеров данного издания.

³ См., например: *Пугинский Б. И., Амиров А. Т.* Развитие европейского договорного права // *Коммерческое право*. 2011. № 1 (8). С. 169–175; **Принципы европейского права: коммерческое агентирование, франшиза и дистрибуция** // Там же. С. 176–198; *Пугинский Б. И., Амиров А. Т.* Принципы Европейского договорного права: юридическая природа, основные положения и перспективы развития // *Коммерческое право*. 2011. № 2 (9). С. 104–114; **Принципы Европейского договорного права** / пер. с англ. Б. И. Пугинского, А. Т. Амирова // Там же. С. 115–201; *Пугинский Б. И., Амиров А. Т.* Развитие европейского частного права // *Коммерческое право*. 2012. № 2 (11). С. 102–108; **Принципы, определения, модельные правила европейского частного права**. Кн. 1–2 / пер. с англ. под научной редакцией Б. И. Пугинского и А. Т. Амирова // Там же. С. 109–187; **Принципы, определения, модельные правила европейского частного права**. Кн. 3 / пер. с англ. под научной редакцией Б. И. Пугинского и А. Т. Амирова // *Коммерческое право*. 2013. № 1 (12). С. 154–225; *Белов В. А.* Проект общеевропейского закона о продажах (Common European Sales Law [CESL]): вводный комментарий и русский перевод // *Коммерческое право*. 2014. № 1 (14). С. 113–209; *Белов В. А.* Принципы Транс-Права (новая редакция Принципов СЕНТРАЛ). Вступление, перевод с английского на русский и постатейные комментарии // *Коммерческое право*. 2014. № 2 (15). С. 45–134; *Пугинский Б. И., Амиров А. Т.* Принципы европейского права: договор оказания возмездных услуг // Там же. С. 135–141; **Принципы, определения и модельные нормы европейского частного права**. Кн. 4 / пер. с англ. под научной редакцией Б. И. Пугинского и А. Т. Амирова // Там же. С. 142–185.

⁴ *Белов В. А.* Международное торговое право и право ВТО. Том 1. Понятие и источники. Обычаи. Международные договоры. М., 2014. — 348 с. Том 2. Акты международной частноправовой унификации. Право ЕС. Право ВТО. М., 2014. — 616 с.; *Белов В. А.* Кодекс Европейского договорного права — European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий. Кн. 1 [Общие положения о договорах]. М., 2015. — 308 с. Кн. 2 [Отдельные виды договоров. Продажа]. М., 2015. — 312 с.; *Белов В. А.* Источники международного торгового права: понятие и виды (общий обзор) // *Законодательство*. 2013. № 8. С. 76–87; *Белов В. А.* Источники международного торгового права: закономерности и тенденции // *Законодательство*. 2013. № 9. С. 72–83; *Белов В. А.* Международное торговое (коммерческое) право: проблемы общего понятия // *Законодательство*. 2013. № 7. С. 67–78; *Белов В. А.* Торговые обычаи как источники международного торгового права: содержание и применение // *Правоведение*. 2013. № 1. С. 52–101; *Белов В. А.* Индийский закон о договорах 1872 г. (общие сведения, общий комментарий, оригинальный текст и русский перевод) // *Правоведение*. 2014. № 4. С. 61–127; № 5. С. 170–223; № 6. С. 143–205; *Белов В. А.* Денежные ↻

Все это означает, что кафедра коммерческого права юридического факультета МГУ сделалась под руководством Б. И. Пугинского ведущим в России центром науки коммерческого права.

А ведь без малого два десятилетия назад, когда профессор Пугинский начинал преподавать в Московском университете коммерческое право, эта наука в России считалась диковинкой. 5-я поточная аудитория, в которой он читал свои лекции, заполнялась студентами так, что сидеть им приходилось и на ступеньках, и на полу, и даже стоять в проходах из-за невозможности найти в аудитории свободное не только сидячее, но и стоячее место.

В 1998 году Б. И. Пугинский написал учебник «Коммерческое право России», который с тех пор выдержал пять изданий. Одно из них вышло в серии «Классический университетский учебник» (Издательство «Зерцало». М., 2009).

В 2008 году вышла в свет монография «Теория и практика договорного регулирования», которую можно назвать без всякого сомнения главным научным произведением Б. И. Пугинского. Эта книга будит мысль — она одновременно и правоведческая, и философская по своему содержанию. Ее содержание выходит за рамки ее названия. Это не описание различных сторон договорного правового регулирования, но попытка осмысления его сущности и вместе с тем природы договора как такового.

Автор подходит к договору как к фактору, генерирующему ткань современной человеческой цивилизации. «Раскрывая регулирующие возможности договора, — пишет он в указанной книге, — следует прежде всего указать на **его роль в формировании современной человеческой цивилизации**. Никогда не должно упускаться из вида или затушевываться экономическими или социологическими схемами выдающееся значение договора в обеспечении общественного воспроизводства материальной жизни»¹.

Цивилизационное значение договора проявляется, по мнению Б. И. Пугинского, и в проведении фундаментального для любого права требования справедливости. «Позитивное определение права избегает указания на то, как обеспечивается подчинение правовых норм принципу справедливости. В переломные периоды жизни общества, прежде всего при изменении экономического и политического строя, появляется немало норм, явно не соответствующих требованию справедливости, что побуждает теоретиков рассуждать о “неправовых” законах. В отличие от этого в договорном регулировании идея справедливости находит более полное и последовательное закрепление, причем способы ее обеспечения достаточно развиты и разнообразны. Однако в силу различий между договором и нормами права сама справедливость в них выглядит неодинаково»².

Борис Иванович констатирует в рассматриваемой книге плачевное состояние исследований договорного права и предлагает изменить в первую очередь их методологию. «Какие же изменения в исследовании договор-

☞ обязательства в актах международной частноправовой унификации // Законодательство. 2015. № 6. С. 65–78.

¹ Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. М.: Зерцало-М, 2008. С. 48.

² Там же. С. 208–209.

ного права должны быть предприняты, чтобы исправить существующее положение? — вопрошает он и отвечает на этот вопрос: — Главным представляется, чтобы вместо толкования и комментирования норм о договоре центральное место в науке договорного права заняло **изучение эффективной договорной практики**. Под практикой в данном случае понимается та область договорной работы, которая состоит в самостоятельной выработке условий договора самими контрагентами и исполнении таких условий, а также договорных обязательств в целом»¹.

Конкретизируя эту мысль в дальнейшем изложении своей доктрины договорного регулирования, профессор Пугинский пишет: «Договор должен быть представлен как вид деятельности, ее необходимая часть... Анализ договора как деятельности предполагает изменение эмпирического материала исследований. В настоящее время исходным эмпирическим материалом договорной теории служат в основном тексты нормативных актов, прежде всего — ГК РФ, относящиеся к договору. Смена эмпирического материала, связанная с переходом к деятельностному представлению и изучению объекта, если использовать опыт языкознания, психологии и некоторых других наук, возможна по двум направлениям. Первое — это отыскивание и выделение моментов деятельности в самих правовых текстах (нормах) и выработка на этой основе представлений о правовой деятельности. Второе — изучение собственно актов договорного действия. Каждое из этих направлений само по себе недостаточно для раскрытия договорной деятельности, вследствие чего требуется разработка их во взаимосвязи. Необходимо также постоянное соотнесение договорной деятельности с регламентирующими ее правовыми нормами. Такое соотнесение должно производиться с точки зрения деятельности, т.е. сами правовые нормы должны быть включены в общую схему деятельности, а их связь представлена как один из необходимых видов действий»².

Б. И. Пугинский сознает, что описание договора в понятиях деятельности представляет собой большую сложность. Но, по его мнению, только оно дает возможность построить общее понятие договора, тогда как «внедеятельностные» изображения схватывают лишь отдельные его черты.

С точки зрения деятельности Борис Иванович смотрит и на право в целом, связывая с этим подходом дальнейшее развитие юридической науки. «Рассмотрение права как деятельности требует разработки целостной теории, — отмечает он в книге «Теория и практика договорного регулирования». — Очевидны сложность и длительный характер такой работы. Однако предлагаемый поворот в понимании и изучении права дает возможность отбросить груз предрассудков и мистификаций, навязываемых позитивистской догматикой. Сама направленность внимания ученых на процесс реализации права предполагает познание способов такой реализации, причем не в виде надуманных схем, а как живой реальной практики. Она делает необходимым уже на стадии законопроектной работы анализ практической исполнимости будущих норм, создание условий для облегчения и упрощения их реализации, устранение вероятных препятствий этому»³.

¹ Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. С. 95—96.

² Там же. С. 114—115.

³ Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. С. 206.

По мнению Б. И. Пугинского, теория, объясняющая право на основе деятельностного воззрения и методологии, не будет оторвана от практики юридической жизни общества, поскольку в полной мере соответствует ее реалиям. «Деятельность, — отмечает он в статье «Понимание права с позиций современной цивилистики», — служит не только объяснительным и исследовательским принципом. Она есть реальная движущая сила правового регулирования, основа существования и развития права, необходимый и очевидный объект изучения правовых наук»¹.

При этом Б. И. Пугинский высказывает убеждение в том, что трактовка права как деятельности «не умаляет и не колеблет принципа верховенства закона и требования законности. Напротив, она ставит на повестку дня проблему получения результата правового регулирования, тогда как позитивистская догматика всячески уходит от ответственности за практическую реализацию законоположений, полностью утратила чувство ответственности за социальный результат своего учения. Лозунг законности, хотя бы формально провозглашавшийся в советское время, сейчас оказался позабыт, вообще не упоминается в юридической литературе. Можно утверждать, что законность оказалась подавлена мертвящим позитивизмом. Оставление без внимания процесса реализации правовых установлений, изначально присущее юридическому позитивизму, самым негативным образом сказалось на правовой практике России — страны, никогда не имевшей разработанной системы и социального опыта воплощения в жизнь издаваемых законов»².

Признаюсь, проводимый Борисом Ивановичем взгляд на правовые явления как на деятельность близок моему пониманию права. В своей докторской диссертации «Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества» я именно через деятельность рассматривал сущность юриспруденции, отмечая, в частности, что в узком смысле это — «совокупность теоретических знаний о праве и практических навыков формулирования и толкования правовых норм, приемов и способов обработки правового материала, классификации норм, их систематизации и т.д.», но в широком смысле юриспруденция есть «*деятельность по обслуживанию механизма формирования, функционирования и развития права*»³.

Понятие деятельности — это мостик, который сближает юридическую теорию и практику. Это значение имеет и книга Б. И. Пугинского, о чем свидетельствует уже само ее название — «**Теория и практика** договорного регулирования».

Коммерческое право, которому посвятил свою научную жизнь Борис Иванович, часто рассматривают в виде некоего ответвления от гражданского права. И действительно, в содержании двух этих наук нетрудно обнаружить одинаковые элементы. Так, например, договор, составляющий основополагающее понятие коммерческого права, является таковым и в

¹ Пугинский Б. И. Понимание права с позиций современной цивилистики // Правоведение. 2007. № 6. С. 12.

² Пугинский Б. И. Понимание права с позиций современной цивилистики. С. 207—208.

³ Томсинов В. А. Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества. Историко-сравнительное юридическое исследование. Автореферат диссертации... доктора юридических наук. М., 1993. С. 7.

гражданском праве. Признавая, что торговое право в некоторых аспектах, прежде всего общего характера, сближается и даже в чем-то совмещается с гражданским правом¹, профессор Пугинский старается обратить внимание на факты, показывающие различия этих отраслей действующего права. «Применительно к торговле институт договора должен обладать существенными отличиями от гражданско-правового договора», — пишет он в статье «Научное обеспечение разработки Торгового кодекса России», ссылаясь при этом на западноевропейский опыт регламентации порядка заключения договоров.

Соответственно и наука коммерческого права понимается Б. И. Пугинским как самостоятельная отрасль научной юриспруденции относительно науки гражданского права. И главное различие этих наук он усматривает в тех методологических подходах к исследованию правовых явлений, которые имеют преимущественное применение в каждой из них. Рассматривая эти методологические подходы в статье «Инструментальная теория правового регулирования», опубликованной в 2011 году, профессор Пугинский делает следующий вывод: «Уже 20 лет мы живем в условиях научной свободы, однако крайне редко решаемся обратиться к своим методологическим проблемам. Причина такой ситуации — в сохраняющемся господстве догматико-позитивистского воззрения и его “омертвляющем” воздействии на правоведение»². По его мнению, наиболее пагубное воздействие догматико-позитивистский взгляд оказывал и до сих пор оказывает на ту часть науки гражданского права, которая посвящена изложению договорно-правовых институтов. Для подтверждения этой оценки Пугинский приводит конкретный пример: «Нормы определяют узкий горизонт — около 1/5 части содержания договоров. Остальные 80% формируются по усмотрению контрагентов исходя из целей договора, интересов и возможностей сторон — для этого они наделены свободой договора. У нас же получается, что вместо обучения способам выработки условий договоров студентов заставляют “разучивать” нормативные фрагменты договора: это лоскутное, бессвязное обучение, поскольку связь условий договора задается его целью. Находясь в плену позитивистских воззрений, наука гражданского права оказывается неспособной обучать выработке условий договоров, т.е. выполнять одну из главных своих задач. Даже в образовательных стандартах перед юридическими вузами не ставится задача обучения студентов составлению договоров и применения их для решения актуальных экономических задач, в частности модернизации народного хозяйства. Чтобы учить договорной работе, надо сменить парадигму цивилистики, встать на инструментальную позицию в понимании права»³.

Свою озабоченность проблемой взаимосвязи гражданского и торгового законодательства Б. И. Пугинский объясняет необходимостью серьезного

¹ «Общая часть ГК РФ должна одновременно служить общей частью Торгового кодекса», — замечает Б. И. Пугинский в одной из своих статей (*Пугинский Б. И.* Научное обеспечение разработки Торгового кодекса России // Актуальные проблемы коммерческого права. Сборник статей. Вып. 3. М.: Зерцало-М, 2007. С. 16).

² *Пугинский Б. И.* Инструментальная теория правового регулирования // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. № 3. С. 21.

³ Там же. С. 27.

обновления российского гражданского кодекса¹. Поскольку гражданское и торговое законодательство являются смежными отраслями частного права, то при обновлении любой из них неизбежно возникает вопрос о том, как их нормы будут совмещаться друг с другом.

Как известно, вопрос о соотношении гражданского права с торговым всегда обостряется при проведении реформы гражданского права. Этот вопрос заново решался во Франции в начале XIX века в процессе кодификации гражданского и торгового права. Он стоял и перед германскими законодателями во время разработки Гражданского кодекса для Германской империи. Во время кодификационных работ 1809–1812 годов в России также пришлось решать данный вопрос. Он встал еще раз перед М. М. Сперанским в конце 20-х годов XIX века, при составлении Свода законов Российской империи. Созданная в 1882 году Редакционная комиссия по составлению проекта Гражданского уложения уже в самом начале своей работы вынуждена была обратиться к вопросу о том, надо ли включать в будущее Гражданское уложение постановления торгового частного права. По этой теме была даже составлена специальная объяснительная записка².

Профессор Пугинский смотрит на проблему взаимосвязи гражданского законодательства с торговым не только с позиций отечественного права, но и с точки зрения мирового опыта правового регулирования торговых отношений. «Было бы целесообразно, — заявляет он, — сопоставить предлагаемые изменения в ГК РФ с Принципами европейского договорного права, которые легко воспринимаются и удобны в применении. Их содержание составляют узловые положения современного частного права. Это систематизированный свод правил, предназначенных для регулирования имущественного оборота»³.

Наука коммерческого права является смежной не только для цивилистики, но и для науки предпринимательского права. Ведь торговля по своей сути является одной из разновидностей предпринимательской деятельности. Неслучайно российские правоведы, занимавшиеся одной из этих наук, одновременно писали научные труды и по другой⁴. Профессор Пугинский не мог поэтому обойти стороной предпринимательское право. Самая серьезная работа его в этой области имеет небольшой объем — всего три страницы, но по значимости своего содержания она стоит многих многостраничных трудов по юриспруденции. Борис Иванович обратился в ней

¹ См. : *Пугинский Б. И.* Взаимосвязь развития гражданского и торгового законодательства // Проблемы совершенствования гражданского законодательства: Материалы IV Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся (Москва, 28 октября 2009 г.). М., 2010. С. 124.

² См. об этом : *Томсинов В. А.* Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX — начале XX века. Статья вторая // Законодательство. 2015. № 3. С. 88–94.

³ *Пугинский Б. И.* Взаимосвязь развития гражданского и торгового законодательства. С. 126.

⁴ В качестве примера можно привести Августа Исааковича Каминку (1865–1941), который был специалистом и по торговому, и по предпринимательскому праву. См. : *Каминка А. И.* Очерки торгового права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2007; *Каминка А. И.* Основы предпринимательского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М. : Зерцало-М, 2015.

к правовой трактовке предпринимательства и, в частности, подверг критике определение предпринимательства, данное в статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации — в следующем ее фрагменте: «Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что *предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке*» (курсив мой. — В. Т.).

Обращаясь к этому определению, профессор Пугинский оценивает его и с точки зрения традиционного русского мировоззрения, и через призму истории капитализма, и с позиции национальных интересов России, потребностей экономического развития страны, сохранения стабильности в российском обществе. Вместе с тем, Борис Иванович смотрит на него с точки зрения действующей Конституции Российской Федерации. Разворачивая критику определения предпринимательства в Гражданском кодексе РФ в длинную цепь аргументов, касающихся духовной и материальной жизни русского народа, социальных и политических устоев российского государства, прошлого, настоящего и будущего России, Б. И. Пугинский рисует в своем отрицании цивилистической трактовки предпринимательства контуры такого понимания этого явления, которое по-настоящему соответствует духу Русской цивилизации, интересам ее поступательного развития. Рассуждения профессора заслуживают того, чтобы привести их во всей полноте.

«Начнем с того, — пишет он, — что ориентация на систематическое извлечение прибыли никогда не была свойственна российским промышленникам и купечеству. На этот счет имеется масса исследований, исторических и литературных свидетельств. Нацеленность на денежный результат, погоня за выгодой характерны для дикого, хищнического капитализма, который был присущ западному миру до первой трети XX в. Социальный и духовный кризис такого капитализма повлек его постепенную трансформацию. Внедрение подобной концепции предпринимательства в современной России совершенно неприемлемо для нашей страны. Линия на стяжательство, получение одной лишь прибыли противоречит основам конституционного строя, духовным устремлениям людей. такая трактовка предпринимательства не благоприятствует экономическому росту, создает предпосылки для злоупотреблений. Именно она изнутри подпитывает экономическую преступность, криминалитет. Она фактически оправдывает эти негативные явления.

Кроме того, постановка в качестве главной цели извлечения прибыли мало согласуется с лозунгом модернизации экономики, противоречит ему. И если рассуждать об углублении процессов модернизации, то надо прежде всего определить, как соотносится с ними генеральная установка на получение прибыли. Очевидно, что вместо поощрения созидательных способностей предпринимателей Гражданский кодекс консервирует одну лишь направленность на деньги.

Далее, нацеливание предпринимательства на систематическое получение прибыли носит антисоциальный характер и в этом плане противоречит по-

ложениям Конституции РФ о социальном характере нашего государства. Для людей, занятых погоней за прибылью, совершенно безразлично положение населения, его потребности. В этом одна из главных причин постоянного сохранения напряженности в обществе. Президент призывает предпринимателей помнить об их социальных обязанностях, а вот ГК о них не напоминает. Никакие меры по демократизации не нормализуют обстановку в обществе, если будет сохраняться разнонаправленность интересов бизнеса и населения»¹.

Критика Б. И. Пугинским определения предпринимательства, данного в статье 2 Гражданского кодекса РФ, была бы неполной, если бы он не предложил собственного понимания этого явления. Задавшись вопросом, в каких направлениях следует изменить доктринальную и нормативную трактовку предпринимательства, Пугинский отвечает:

«Прежде всего, по содержанию оно должно пониматься как широкая свобода частной инициативы. Свобода широкая, но не безграничная. Это основанная на широкой инициативе хозяйственная деятельность, а не непрерывная гонка за прибылью.

Понимание предпринимательства как инициативной хозяйственной деятельности согласуется с задачей модернизации экономики, расширяет возможности для ее решения. Она ставит требование модернизации перед предпринимателями, а не перед управленческими структурами, как это происходит сейчас.

Другим правовым условием предпринимательства, включенным в само определение, должна служить его уравновешенность целью социальной справедливости. Требование социальной справедливости касается прежде всего гражданского и предпринимательского права. Оно должно закрепляться в правовых положениях и принципах, в частности таких, как принципы справедливости, взаимного содействия и сотрудничества и др. Основное выражение социальная справедливость получает в установлениях публичного права. Инициативная направленность предпринимательства должна обеспечиваться сильным государством. Лишь такое сочетание основных компонентов предпринимательства позволит построить экономический уклад, соответствующий национальному духу и историческим традициям нашего общества, обеспечит стабильное развитие страны»².

Прибыльность предпринимательства является одним из условий его успешности. Предприниматель, который не получает прибыль, не имеет возможности развивать свою деятельность, то есть открывать для нее новые направления, создавать новые предприятия, расширять объемы производства, торговли и т.д. Все это очевидно. Поэтому не отказ предпринимателей от стремления получать прибыль имеет в виду профессор Пугинский, когда противопоставляет трактовке предпринимательства, представленной в статье 2 Гражданского кодекса РФ, другое понимание этого явления. Борис Иванович выступает против **преимущественной** ориентации предпринимательства на систематическое получение прибыли, справедливо

¹ Пугинский Б. И. Правовая трактовка предпринимательства // Институты гражданского права и модернизация экономики. Материалы V Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся (Москва, 25 октября 2010 г.). М., 2011. С. 92–93.

² Там же. С. 93–94.

усматривая в ней серьезную угрозу для общественных устоев. Ключевую мысль в его трактовке предпринимательства выражают слова: **«Это основная на широкой инициативе хозяйственная деятельность, а не непрерывная гонка за прибылью»**. Данной фразой он демонстрирует убогость цивилистического определения предпринимательства как «деятельности, направленной на систематическое получение прибыли» и одновременно показывает, что главное в предпринимательстве не цель деятельности, а ее процесс, качественные характеристики самой деятельности.

Ориентация предпринимательства исключительно на систематическое получение прибыли легко превращает эту деятельность в процесс ограбления страны, особенно в тех случаях, когда прибыль систематически получается и так же систематически вывозится за ее пределы и навсегда помещается за границей, когда ради получения денег губятся леса, луга, загрязняются реки и озера, истребляются дикие животные, птицы, рыбы, когда нещадно эксплуатируются простые люди-труженники, когда повсюду воцаряется обман, мошенничество, взяточничество, рвачество. В этом случае предметом купли-продажи становятся не только все предметы окружающего человека мира, но и вообще все, из чего состоит человеческое общество: люди, их души, части их тел, их здоровье, судьбы, нравственные устои, правовые ценности и т.д. **Все получает свою цену в деньгах и поэтому обесценивается**. Таким образом, погоня за прибылью ведет человеческое общество к расчеловечиванию, а следовательно, к разрушению.

Придание же главного значения **процессу** предпринимательства выделяет в нем созидательное начало, возвышает его. Предпринимательство понимается в этом случае в качестве деятельности, которая делает страну богаче в материальном и духовном отношениях и в конечном итоге облагораживает человеческое общество, укрепляет в нем человечность.

Эти мысли, навеянные маленькой заметкой профессора Пугинского «Правовая трактовка предпринимательства», выражают две альтернативы, которые стоят в настоящее время перед юридической наукой. Какой из них будет она служить? — Будет ли научная юриспруденция, как и прежде, омертвлять общество, украшать правовыми формами и укреплять юридическими аргументами разрушительные тенденции в общественной жизни? Или же возьмет под свою защиту начала созидательные, животворящие?

Если возобладает в нашей юридической науке стремление служить жизни, то хорошим подспорьем ему будет главная, пожалуй, идея научного творчества Бориса Ивановича Пугинского, которую, слегка переиначив, я бы выразил следующим образом:

— Основой существования и развития права, движущей силой правового регулирования является **деятельность**, юридические же нормы составляют лишь малую часть правовой материи. Поэтому именно юридическая деятельность должна стать первостепенным объектом изучения на юридических факультетах.

В. А. Томсинов,

*зав. кафедрой истории государства и права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор*

От составителей

Настоящее издание — скромное поздравление с 75-летним юбилеем нашего бессменного руководителя, учителя, Отца современного российского коммерческого права, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, и просто высококлассного специалиста, истинного ученого, настоящего и замечательного человека **Бориса Ивановича Пугинского** от его учеников, коллег, друзей и почитателей.

При определении состава работ, включенных в настоящий Сборник, мы посчитали уместным, во-первых, *напомнить нашему ученому миру о главной научной заслуге Бориса Ивановича — разработке и обосновании* деятельностного, функционально-практического подхода к правоведению, или, по его собственной терминологии, *теории гражданско-правовых средств*. Именно она в конечном счете и стала тем методологическим и содержательным базисом, на котором позднее были возведены многие другие теоретические концепции (включая современную парадигму российского коммерческого права и основы учения о механизме договорно-правового регулирования коммерческих отношений) и сформулированы многочисленные практические рекомендации как самим Борисом Ивановичем, так и его учениками.

Ну и во-вторых, мы *стремились показать широту профессионального кругозора нашего Учителя и Юбилера*, — широту, позволившую ему найти применение своей теории правовых средств в самых разнообразных и в чем-то даже неожиданных областях — от правового обеспечения договорной дисциплины до проблематики участия России во Всемирной торговой организации (ВТО); от чисто технических практических вопросов (вроде приемки товаров по количеству и качеству) — до сугубо теоретических, таких, например, как структура правовой нормы и методология правоведения.

Уверены, что цивилисты и коммерциалисты зрелого и старшего поколения с огромным удовольствием вспомнят работы, составившие настоящий Сборник, а наши более молодые коллеги — с не меньшим удовольствием и пользой для себя с ними ознакомятся.

Мы, сотрудники кафедры коммерческого права, пользуясь этим прекрасным поводом, сердечно поздравляем Вас, дорогой Борис Иванович, со славным юбилеем, выражаем Вам самую искреннюю благодарность за все то, что Вы уже успели сделать на благо отечественной юридической науки и практики, желаем Вам самого крепкого здоровья, долгих лет жизни и, конечно, дальнейшего плодотворного научного творчества.

*От имени коллектива созданной Вами кафедры
коммерческого права и основ правоведения
В. А. Белов*

Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях (1984)¹

Введение

Настоящая книга представляет собой опыт исследования особых образований, имеющих в сфере права, — гражданско-правовых средств. Под такими средствами предлагается понимать договоры, меры имущественной ответственности, оперативного воздействия и др. Они изучаются не в нормативном плане, т.е. не как совокупности норм, а в специальном значении. Главное в названных средствах — возможность использования их организациями и гражданами в качестве инструментов для решения хозяйственных и иных задач, возникающих в практической деятельности. Излагаемая в настоящей книге теория является учением о системе таких средств, их сущности, свойствах и применениях.

В отличие от традиционно исследуемых цивилистикой объектов: норм, институтов, юридических фактов, правоотношений и т.п. средства гражданского права ранее специально не изучались. Сложность предпринимаемой работы обуславливается тем, что выявление и анализ юридических средств требует особых ракурсов рассмотрения права, применения специальных научных методов. По этим причинам ряд проблем правовых средств будет лишь обозначен, их детальный анализ — дело будущего. Некоторые высказываемые положения, наверное, окажутся спорными либо неточными и могут служить просто ступеньками для постановки более сложных вопросов и нахождения верных решений.

Первый и основной вопрос каждого исследования — определение круга задач, обусловивших рассматриваемую проблему и составляющих ее содержание. Ответ на него означает раскрытие оснований проблемы. Для выбранной темы может быть указано два вида таких оснований: практические и теоретические.

¹ Отдельное издание. М. : «Юридическая литература», 1984, 224 с.

Наиболее значительные, глубинные тенденции развития науки всегда в конечном счете формируются общественной практикой. Концентрация внимания именно на гражданско-правовых средствах связана с ростом их значения в управлении народным хозяйством. Решения XXVI съезда КПСС предусматривают повысить роль хозяйственного договора в разработке планов производства и реализации продукции, усилить действенность экономических санкций за невыполнение заданий и обязательств¹. В соответствии с этими установками в нашей стране осуществляются широкие меры по совершенствованию договорных связей, повышению взаимной экономической заинтересованности и ответственности хозорганов за выполнение договоров.

Важные шаги в указанном направлении предусмотрены постановлением ЦК КПСС «О работе партийных и советских органов Иркутской области по повышению роли правовой службы на предприятиях промышленности, сельского хозяйства и строительства в свете решений XXV съезда КПСС»². Оно обязывает министерства, ведомства, другие органы хозяйственного управления и предприятия улучшить использование договора и иных юридических средств для повышения эффективности производства, расширения ассортимента изделий и обеспечения высокого их качества, усиления сохранности материальных ценностей. Идея гражданско-правовых средств оформлялась, следовательно, в связи с неотложными задачами правового обеспечения потребностей социалистической экономики.

Проблематика правовых средств привлекает к себе пристальное внимание ученых и практических работников. Все более возрастает число журнальных статей по вопросам применения названных средств. В целом в этом направлении стало оформляться самостоятельное течение, основанное на практических наблюдениях. Однако большинство публикаций представляет собой начальный этап познания, состоящий в сборе и описании фактического материала, первичной его систематизации, без надлежащего теоретического обоснования.

Дальнейшая детализация и группировка накопленных сведений уже не способны обеспечить развитие знания о правовых средствах. Необходимо поднять изучение указанных явлений на теоретический уровень, позволяющий раскрыть их сущность, место в системе правового регулирования, возможности использования. Создание целостной теории правовых средств само явится основанием для дальнейшего развертывания научных исследований и совершенствования практики применения этих юридических инструментов.

Обоснование постановки проблемы зачастую не может быть убедительным только в рамках запросов практики. Многие возникающие задачи, в том числе в правовой сфере, не требуют для решения создания специальных теорий, достаточно бывает проведения серии практико-прикладных исследований. Как отмечалось, в настоящее время большинство публикаций о юридических средствах исходит явно из прикладной ориентации. Это, на первый взгляд, свидетельствует о преобладающей роли прагматических сторон темы, превалировании практического основания. Однако ряд данных указывает на необходимость глубокой разработки собственно

¹ См. : **Материалы XXVI съезда КПСС.** М., 1981. С. 180, 200.

² См. : **Партийная жизнь.** 1977. № 9. С. 8—10.

теоретических аспектов концепции правовых средств, подхода к ней как к самостоятельному направлению науки гражданского права.

В числе теоретических оснований следует прежде всего назвать задачу согласования принципа социалистической законности с требованием активности и инициативы субъектов при использовании юридических средств. Проблема человека представляет центральную межотраслевую проблему всей современной науки¹. Вопросы построения достоверных моделей поведения субъектов занимают в правоведении одно из ведущих мест. Специфика правового регулирования обусловила, однако, преобладание отношения к человеку как к объекту воздействия. Такая позиция на современном этапе вступает в известное противоречие с задачей повышения социальной активности советских людей.

Активная позиция граждан, являясь важным пунктом марксистского понимания общества, должна рассматриваться и как один из отправных моментов функционирования механизма права. Усложнение задач коммунистического строительства, расширение объектов и сферы законодательного регулирования по-новому поставили вопрос о месте и роли человека в осуществлении права, подняли социальную ответственность субъектов за воплощение в жизнь издаваемых законоположений. Требование всемерного развития активности граждан и коллективов пронизывает многие положения Конституции СССР, других актов.

Особое значение указанные моменты имеют для гражданского законодательства, многие нормы которого непосредственно рассчитаны на самостоятельные, инициативные действия исполнителей. Ведущая гражданско-правовая конструкция — сделка — связывает возникновение (изменение, прекращение) субъективных прав и обязанностей с действиями самих граждан и организаций. Отсюда необходимость построения целостных теоретических моделей, отражающих действительную роль и степень участия человека в функционировании правового механизма. Важно определить характеристики конкретных действий субъектов в связи с реализацией законодательства, соотношение нормируемых и инициативных элементов в деятельности по осуществлению законоположений, установить возможности более полного использования «человеческого» фактора для решения экономико-правовых задач.

Другой проблемой, с очевидностью выявившейся в последние десятилетия и потребовавшей теоретического осмысления, явилось различие в порядке применения разных гражданско-правовых инструментов. С развитием экономики разнообразятся и усложняются как сами хозяйственные задачи, так и способы их юридического разрешения, т.е. правовой инструментарий. В данном случае речь идет не о возникновении каких-то новых правовых сущностей, а об обнаружившихся и требующих научного объяснения различиях способов работы с давно известными объектами. Имеются в виду отличия исполнения норм права от применения договоров, мер имущественной ответственности и других средств.

Процесс совершенствования управления экономикой, активизация деятельности юридической службы в народном хозяйстве выявили значи-

¹ См. : **Методологические проблемы науки.** М., 1964. С. 124—138.

тельную специфику работы с такими инструментами. Если при реализации нормативных актов исполнитель следует предписываемой модели поведения, то применение правовых средств предполагает учет хозорганами и гражданами собственных интересов, целенаправленное формирование условий договоров, выработку результативной ответственности и т.п. Здесь наглядно обнаруживается самодеятельный характер действий субъектов, а юридические рычаги берутся именно как средства решения возникающих экономико-социальных задач, достижения конкретных целей.

Анализ операций с правовыми средствами свидетельствует о принципиальной несводимости их к реальностям, традиционно изучаемым правоведением (нормам, институтам, правоотношениям и др.), требует выделения в особый класс объектов. Они характеризуются более сложной структурой, нежели нормы и институты права, обладают устойчивыми отличительными признаками. Правовые средства, хотя и используются в непосредственной связи с нормами права, но не охватываются ими и не сводятся к ним. Аprobация на практике основных идей концепции правовых средств¹ дает основания для выделения проводимых исследований в самостоятельное направление науки гражданского права.

Важно обратить внимание на те вопросы, ответы на которые дает предлагаемая система представлений, а также на возможности решения на ее основе ряда актуальных задач, стоящих перед юридической наукой и практикой. Речь идет не только об обеспечении реализации действующего законодательства, но прежде всего об улучшении использования договора, имущественной ответственности и других средств в целях повышения эффективности общественного производства и качества работы.

Развитие данного научного направления находится пока в начальном состоянии, и трудно предвидеть, какую окончательную форму примет излагаемая теория. Автор отдает отчет в сложности и дискуссионности поднимаемых проблем. Они не менее высоки, чем сама социальная значимость правовых средств. Критический анализ выдвигаемых положений окажется несомненно ценнее, если он будет затрагивать логику построения концепции, связь эмпирических и теоретических положений в ней.

Глава I. Исходные идеи теории правовых средств

§ 1. Объект и предмет исследования

Требование научного подхода к решению поставленных задач выдвигает на первый план необходимость определения исходных позиций предприняемого исследования. Одной из первоочередных проблем выступает выработка четких представлений о том круге компонентов социального бытия, которые подлежат включению в сферу изучения. В связи с этим

¹ См.: *Пугинский Б. И.* Правовые средства обеспечения эффективности производства. М., 1980; *Его же.* Ориентация на результат // *Хозяйство и право.* 1980. № 6. С. 38—43.

следует, на наш взгляд, строго разграничивать объектную область (объект) и предмет науки.

Под **объектом** принято понимать участок естественной или социальной действительности, в пределах и применительно к которому будет производиться исследование. Объект существует независимо от науки, выступая предпосылкой ее возникновения и предопределяя общее содержание и границы познавательной деятельности.

Предмет науки представляет собой появляющееся в процессе теоретической работы некоторое знание об объекте, требующее дальнейшего развития в выбранных направлениях. Предмет возникает с созданием самой науки. Он может меняться на разных этапах научного прогресса вследствие изменения задач, для решения которых сформирован, а также под воздействием иных факторов. Смена стоящей перед наукой задачи, отмечает Э. Г. Юдин, «обычно означает смену предмета исследования»¹.

В предмет науки входят проблемы, встающие в исследовании, сформулированные, но еще не решенные так или иначе категорически². Его можно сравнить с незаполненной анкетой, содержащей перечень вопросов относительно изучаемого объекта. Очевидно, что объектная область и предмет науки хотя и взаимосвязаны, но не тождественны.

В юридических науках объект и предмет размежевываются далеко не всегда, хотя значение этой операции весьма важно. Она прежде всего позволяет учитывать различия в определении учеными рассматриваемых объектов — различия, которые существенно влияют на порядок проведения исследования и получаемые результаты. Наконец, при таком разграничении выясняется возможность построения разных предметов относительно единого объекта исследования, очерчиваются «демаркационные линии» между предметами граничащих наук и уточняются их взаимоположения и связи³.

Отмечая необходимость различения объекта и предмета науки гражданского права, О. А. Красавчиков высказал мнение о том, что объект правоведения един для всех общественных наук и представляет собою общество в целом⁴. С таким взглядом трудно согласиться. Науки об обществе, в том числе юридические, занимаются изучением более или менее четко очерченных областей социальной действительности, причем большинство их имеет собственный объект исследования, не совпадающий с объектами других.

На самостоятельный характер сферы гражданско-правовой деятельности, обуславливаемый отраслевым разделением труда внутри общества,

¹ Юдин Э. Г. Как понимать объект и предмет научного познания // Политическое самобразование. 1967. № 3. С. 97.

² См.: Заславская Т. И. Рывкина Р. В. О возможности использования нормативно-методологических средств для изучения структуры науки // Проблемы исследования структуры науки. Новосибирск, 1967. С. 88–89.

³ См., напр.: Коптин П. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. О специфике методологического подхода к исследованию систем и структур // Логика и методология науки. М., 1967. С. 193; Луковская Д. И. О предмете науки истории политических и правовых учений // Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания. М., 1978. С. 40.

⁴ См.: Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Ученые труды Свердловского юридического института. — Т. IV. Свердловск, 1961. С. 172.

указывал Ф. Энгельс: с возникновением потребности в новом разделении труда, создающем юристов по профессии, сейчас же «открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая при всей своей общей зависимости от производства и торговли все же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти области»¹.

Следует поэтому признать, что объект изучения юридических наук составляет особую область общественной жизни, а не общество в целом. Подтвержденная многолетним опытом исследований содержательная специфика цивилистики позволяет также утверждать, что «объектное поле» гражданского права, хотя и имеет некоторые общие зоны с другими юридическими науками, однако является самостоятельным и только к ней относящимся.

С определением предмета изучения в гражданском праве дело обстоит еще сложнее. Практически никем не поднимается вопрос о способах построения научного предмета, вычленения его из объекта. Нетрудно объяснить причину такой ситуации. Для того чтобы осознать необходимость определения предмета и порядок выполнения этой работы, надо в качестве исходной базы иметь ясное представление о самом объекте, на основе которого должен формироваться предмет исследования. Между тем понимание объекта цивилистики стало уточняться и развиваться лишь в последние два-три десятилетия.

При определении своей объектной области наука базируется на онтологических представлениях. В современной философской литературе под онтологией понимается раздел диалектической философии, образующий учение о бытии или учение о человеческом бытии в обществе².

Принято также различать **онтологии отдельных наук**. В их состав включают комплекс философских представлений о бытии, органически связанных с данной отраслью науки и активно влияющих на решение ее теоретических проблем, формирование конкретного знания³. Онтологии отдельных наук имеют в известном смысле прикладное значение, обслуживая потребности становления и развития соответствующей науки. В указанном значении данное понятие будет употребляться в настоящей работе.

Необходимо оговориться, что отрицание марксистской философией жесткого разделения на онтологический и гносеологический аспекты не исключает возможности специального анализа онтологической проблематики. Практика научных исследований свидетельствует о целесообразности вычленения онтологических вопросов на определенных этапах, например при формулировании представлений о природе и строении изучаемого объекта, формах его движения и т.п.⁴ Вместе с тем диалектическое

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 37. С. 417—418.

² См.: Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. С. 51 (при этом сам П. В. Копнин оспаривает целесообразность выделения онтологии в самостоятельный раздел философии); Ильин В. В. Онтологические и гносеологические функции категорий количества и качества. М., 1972.

³ См., напр.: Луковская Д. И. О предмете науки истории политических и правовых учений. С. 41; Ивин А. А. Онтологическая необходимость и каузальная импликация // Логика и методология научного познания. М., 1974. С. 74—77.

⁴ См.: Целищев В. В. Отношение логики к философии и некоторые проблемы методологии науки // Методологические проблемы современной науки. М., 1979. С. 194; Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг. М., 1980. С. 152—155.

единство названных аспектов философии обуславливает то обстоятельство, что онтологические представления и идеи непосредственно зависят от познавательных средств, с помощью которых они получены. Кроме того, принятые онтологические допущения в ходе исследования сами начинают играть роль методологических установок и процедур¹.

Если философия строит общую картину мира, то онтологии отдельных наук формируют частно-научные картины действительности. Так, в специальной литературе описываются физическая, химическая, биологическая картины². Соответственно, для юридических наук может быть построена правовая картина общества. Эта локальная научная картина не является простым обобщением накопленных сведений, а представляет собой целостную систему наиболее существенных воззрений, теорий, принципов, характеризующих общие стороны и связи права.

Онтологические представления в конечном счете отражают исторически сложившиеся условия познания соответствующих реальностей. Изменения философских установок предопределяют различия в ориентации исследователя, большую или меньшую широту охвата явлений действительности, степень проникновения в связи объекта и т.п.

Онтология играет ведущую роль в становлении и развитии науки. Комплекс онтологических представлений образует философские основания каждой науки. Построение знаний, т.е. фиксация и обобщение практического опыта, часто могут не быть наукой, если отсутствует онтология, с которой связано все содержание теории. Ее создание представляет особый и обязательный момент развития каждой науки. Данное обстоятельство требует специального рассмотрения исходных идей, послуживших основанием разработки теории гражданско-правовых средств.

В юриспруденции роль ее философского раздела выполняет (наряду с другими научными задачами) общая теория государства и права. Отмечая онтологическую и гносеологическую функции общей теории государства и права, Д. А. Керимов пишет, что в развиваемых ею положениях, понятиях и категориях «отражается онтологическое содержание объекта ее познания»³. О преимущественном онтологическом содержании общей теории права говорит Л. С. Явич⁴.

В связи с этим важно обратить внимание на два обстоятельства. Первое состоит в определении допустимости рассмотрения вопросов философского характера в рамках отдельных юридических наук. Глобальная разработка философских проблем правоведения общей теорией государства и права не снимает необходимости их исследования в отраслевых науках.

¹ См. : *Садовский В. Н.* Принцип системности, системный подход и общая теория систем // Системные исследования : ежегодник. М., 1978. С. 23; *Панин А. В.* Диалектический материализм и пост-позитивизм (критический анализ некоторых современных буржуазных концепций науки). М., 1981. С. 145–146.

² См. : *Планк М.* Единство физической картины мира. М., 1966; *Карпинская Р. С.* Биология и мировоззрение. М., 1980; *Дышлевый П. С.* Естественнонаучная картина мира как форма синтеза знания // Синтез современного научного знания. М., 1973. С. 115–117.

³ *Керимов Д. А.* Философские проблемы права. М., 1972. С. 32.

⁴ См. : *Явич Л. С.* Общая теория права. Л., 1976. С. 12.

Каждая наука при общем базировании на диалектическом материализме вынуждена решать по ходу развития отдельные вопросы мировоззренческого характера, создавая предпосылки для новых философских выводов и обобщений. Именно такого союза философии и конкретных наук требовал В. И. Ленин¹. Поэтому рассмотрение в рамках цивилистики онтологических проблем, связанных с конкретно-научными задачами, представляется возможным и необходимым.

Теория гражданского права занимается такими вопросами недостаточно. По справедливому замечанию Ю. К. Толстого, в цивилистике вопросы онтологии «остаются как бы в тени»². Причиной подобного положения служит то, что сферой преимущественного интереса науки остается анализ законодательства, фиксирование первичных свойств и связей правового материала, объяснение которых не затрагивает философских оснований науки.

Второе обстоятельство касается собственно содержания онтологических представлений. Общая теория государства и права разработала воспринимаемое в качестве базисного всеми юридическими дисциплинами понимание права как выражения воли господствующего класса (или всего народа), его направленности на регулирование наиболее важных аспектов жизни общества, обусловленности права экономическими отношениями и интересами и другие фундаментальные положения. В то же время не получили развития многие вопросы, касающиеся исследовательских интересов юридических наук. Можно назвать проблемы определения объектов исследования, представления о механизмах развития объектов, очерчивание разграничительных линий между областями разных наук и др. Все эти задачи для своего решения требуют выхода на уровень философских обобщений, имеют онтологический характер.

Для современной правовой науки характерен процесс постоянно углубляющейся специализации, дифференциации. В таких условиях все большее значение приобретает интегрирующая сторона — онтологическая, обеспечивающая единое понимание и взаимосвязь всех сторон познания правовой действительности.

§ 2. Система норм или деятельность?

Одна из наиболее значимых на данном этапе — проблема определения объектной области науки гражданского права. Правила научной работы требуют от исследователя со всей четкостью сформулировать философские представления об объекте теоретического освоения. В определении объекта исследования наглядно проявляется конституирующая роль онтологии. Вопрос о том, какой участок социальной действительности будет изучаться, — первоочередной вопрос каждой науки. Ведь от того, какое целое берется для исследования, зависит формулирование проблем, методы проведения и результаты научной работы.

¹ См. : Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. С. 23.

² Толстой Ю. К. Конституция СССР и проблемы гражданского права. — Правоведение. 1977. № 5. С. 64.

Вопрос об объектной области гражданско-правовой науки весьма редко затрагивается в теоретических работах. Имеется в виду именно объект изучения, а не предмет регулирования соответствующей отрасли законодательства.

Анализ публикаций, из которых можно установить, каким представляет цивилистика свой объект, создает впечатление о том, что он определяется весьма различно. Например, в учебнике «Советское гражданское право» под непосредственным объектом исследования предлагается понимать «само советское гражданское законодательство»¹. В ряде других работ к области изучения отнесены нормы гражданского права и регулируемые ими общественные отношения². Некоторые авторы включают в эту сферу систему норм гражданского права, отдельные институты, практику их применения, изучение закономерностей развития отрасли, ее роли и значения в регулировании имущественных и личных неимущественных отношений³.

При внешних расхождениях указанные позиции совпадают в наиболее важных, принципиальных моментах. Приведенные трактовки объекта служат проявлением преобладающего в правоведении подхода, который получил название догматико-нормативного⁴. Суть его сводится к рассмотрению правовых норм в качестве основной единицы анализа, тогда как изучение процесса реализации норм выступает вторичным моментом по отношению к различным способам разбора юридических текстов. Прослеживание генезиса данного подхода показывает, что он воспринят из предшествующих, досоциалистических правовых учений и представляет отражение нормативизма и формализма в понимании права⁵.

Формализм указанной позиции заключается не только в том, что внимание исследователя фокусируется на анализе и комментировании правовых текстов. Главный недостаток состоит в систематическом игнорировании роли субъектов (граждан и организаций) как носителей интересов и участников социальных связей, в непосредственной реализации права. Анализ норм проводится до и независимо от изучения субъектов, их практической деятельности, интересов и целей. Всякие рассуждения о практике, содержании правоотношений и т.п. служат добавкой, причем зачастую необязательной, к формально-логическому либо сравнительному разбору нормативных актов.

В связи со сказанным важно раскрыть реальное значение ссылок на изучение «юридической практики» или «конкретного содержания правоотношений». Они приводятся в обоснование утверждения о том, что традиционная цивилистика наряду с анализом права занимается также рассмотрением действительных отношений субъектов.

¹ См. : **Советское гражданское право** : учебник. — Т. I. Л., 1971. С. 24.

² См., напр. : **Советское гражданское право** : учебник / под ред. Д. М. Генкина. — Т. I. М., 1956. С. 3—7; **Советское гражданское право** : учебник. М., 1950. С. 4—5 и др.

³ См. : **Гражданское право** : учебник. — Т. I. М., 1969. С. 34—35.

⁴ См. : **Методологические проблемы науки**. М., 1964. С. 204; **Сов. гос-во и право**. 1977. № 11. С. 35.

⁵ См. : *Назаров Б. Л.* Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976. С. 9—13; *Сырых В. М.* Метод правовой науки (основные элементы, структура). М., 1980. С. 50; *Грибанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. С. 27.

Проводившиеся исследования сущности ссылок на практику в работах формально-юридического направления убедительно показали, что предлагаемая в них трактовка противоречит пониманию практики, выработанному марксистской философией. Так, было отмечено, что к судебной практике в таких работах относят не всю деятельность судов по осуществлению своих функций, а лишь разработку правоположений, суммирующих определенные результаты деятельности¹.

Одной из причин распространенности нечеткого употребления термина «практика» в правоведении служит то, что в постановлениях пленумов Верховных судов и инструктивных указаниях центральных органов Госарбитража практикой принято называть складывающиеся определенные модели, образцы решений по тем или иным правовым вопросам². Между тем такое узкое понимание зачастую воспринимается учеными не только как данные об определенной линии разрешения споров, но значительно шире — как указание на реальную общественную практику.

Сложившийся порядок применения юридических норм судами и арбитражами — совсем не практика в философском значении данной категории. Менее всего связь теории права и практики, может характеризоваться «иллюстрированием общих теоретических положений теми или иными примерами из законодательной, административной, судебной, прокурорской, арбитражной, дипломатической и т.п. практики»³. Подобная трактовка сущности практики, как обоснованно отмечалось в научной литературе, приводит к неверному решению проблемы критериев истины правовых исследований⁴.

В диалектической философии под практикой понимается деятельность человека по созданию и освоению предметного мира. К. Маркс рассматривал практику как реальный жизненный процесс⁵. Общеизвестно ленинское определение практики в значении момента непосредственной действительности всеобщего⁶. В таком понимании правовая практика должна включать в себя весь объем деятельности государства, организаций и граждан по применению права при решении экономических и иных социальных задач, учитывать цели (интересы) субъектов, способы осуществления указанной деятельности.

Не позволяют преодолеть недостатков догматико-нормативного подхода попытки дополнить анализ норм изучением регулируемых ими общественных отношений. Включение правоотношений в сферу исследования не изменяет того принципиального обстоятельства, что исходным пунктом анализа остается комплекс юридических текстов, «право в книгах». Правовое регулирование общественных отношений понимается как простое воплощение норм в действительности, наложение правовых схем и конструкций на поведение субъектов.

¹ См. : *Сырых В. М.* Метод правовой науки (основные элементы, структура). С. 39—40.

² См., напр. : **Методика обобщения судебной практики.** М., 1976; *Темущкин О. П.* Толкование закона Пленумом Верховного Суда СССР // Сов. гос-во и право. 1976. № 12. С. 36.

³ *Денисов А. И.* Методологические проблемы теории государства и права. М., 1975. С. 105.

⁴ См. : *Сырых В. М.* Метод правовой науки (основные элементы, структура). С. 38.

⁵ См. : *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 42. С. 93; — Т. 1. С. 266.

⁶ См. : *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 29. С. 195.

При таком подходе план юридических норм попросту принимает вид знания о действительных отношениях субъектов, позитивное право изображается как «воспроизведение непосредственно данной социальной реальности»¹. За правовыми текстами мысленно начинают видеть такую «действительность», которой можно приписать в качестве необходимых определенные моменты содержания текстов. Законодательные установления по-прежнему оказываются не включенными в сферу интересов и целей людей, рассматриваются изолированно от их практической деятельности.

В целях преодоления очевидных недостатков нормативного понимания объекта исследования С. С. Алексеевым было предложено включить в состав механизма правового регулирования акты реализации прав и обязанностей². Однако подобное дополнение не устраняет указанных выше затруднений, не дает возможности представить правовую действительность в «работающем», динамическом виде.

Ведь при таком подходе акты человеческой деятельности оказываются производными от «действия норм». Граждане и коллективы с их интересами, возможностями, условиями бытия остаются вне поля рассмотрения. Сами рассуждения о реальных действиях людей выглядят чужеродными в формальной схеме правового механизма. Неслучайно, что для разбора этого участка правовой действительности в работах юристов обычно не находится места.

Очевидно, что принятие нормативных актов в качестве «точки отсчета» облегчает проведение описательных исследований, повышает их однозначность. Оно менее трудоемко и ответственно, чем анализ социальной практики и выработка рекомендаций в адрес конкретных организаций и групп населения. В немалой степени этими обстоятельствами вызывается превалирование нормативного подхода в изучении права.

Нормативный ракурс изучения права на современном этапе не отвечает потребностям науки и практики. «Социалистическое общенародное право, понимаемое лишь как совокупность или система норм, — отмечает В. А. Шабалин, — уже “не работает” в науке должным образом»³. Всем ходом развития правоведения доказана невозможность описать работу правовой системы самой по себе, на основе собственных имманентных принципов, вне рассмотрения действий субъектов и решаемых ими задач.

Основанием для перестройки онтологических представлений относительно объектной области науки гражданского права должны служить фундаментальные положения диалектической философии. Раскрывая исходные позиции своего учения, К. Маркс писал: «Предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они — не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»⁴.

¹ **Проблемы методологии и методики правоведения.** М., 1975. С. 14.

² См. : *Алексеев С. С.* Общая теория права. — Т. 2. М., 1982. С. 26.

³ *Шабалин В. А.* Методологические вопросы правоведения. Саратов, 1972. С. 92.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 3. С. 18.

В первом тезисе о Фейербахе К. Маркс в качестве первоочередного требования к материалистической науке указывал на необходимость рассмотрения ею действительности не в форме объекта или созерцания, а как предметной человеческой деятельности, как практики¹. Между тем замыкание на анализе юридических норм в отрыве от конкретных исполнителей, их экономических и иных социальных целей и интересов, используемых методов применения права образует именно объектный и созерцательный способы рассмотрения.

Для проведения такой онтологической установки оказывается необходимым **перейти в понимании изучаемого объекта от нормативных актов к практической деятельности людей, применяющих право**. Как указывал В. И. Ленин, «вся человеческая практика должна войти в полное “определение” предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»².

В связи с возможными сомнениями относительно принципиальной допустимости «деятельностного» представления права следует заметить, что даже в отношении такого специфического объекта, как государство, К. Маркс полагал, что оно не может изучаться просто как субстанциальность, а «должно рассматриваться как деятельность»³. Им выдвигалось требование «изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни»⁴.

В теоретическом, отношении задача построения модели объекта выглядит как задача деятельностного описания социально-правовой действительности. Деятельность выступает всеобщим способом бытия человека. Марксистской философии свойственно понимание социального мира как совокупной живой, чувственной деятельности составляющих его индивидов⁵. Сами общественные отношения выступают лишь как одно из проявлений производственной и иной деятельности людей.

Понятие деятельности — одно из фундаментальных для всех дисциплин, изучающих общество, что неоднократно отмечалось в философской и специальной литературе⁶. Поэтому с полным основанием можно говорить о превращении идеи деятельности в норму научного мышления правоведения.

Под правовой деятельностью предлагается понимать совокупность действий Советского государства в лице его органов, иных социалистических организаций и граждан, в связи с созданием и реализацией юридических норм, использованием других правовых рычагов при решении экономико-социальных задач. В основе такого определения лежит выработанное К. Марксом понимание социальной деятельности⁷. Не правовые нормы,

¹ См. : Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. С. 1.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. С. 290.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 1. С. 234.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. С. 37.

⁵ См. : Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. С. 36—38.

⁶ См., напр. : Методологические проблемы науки. М., 1964. С. 124—125; Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; Теоретические проблемы управления познавательной деятельностью человека. М., 1975.

⁷ См. : Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. С. 26—31; Т. 23. С. 51—53, 188—195.

а живые акты создания и применения юридических инструментов есть непосредственная действительность права.

На начальном этапе проводимого исследования его объектная область может быть упрощенно представлена как вид деятельности организаций и граждан, связанной с созданием и применением юридических рычагов для решения задач имущественного, и иного характера. Таким образом, по исходной онтологической позиции теория гражданско-правовых средств в отличие от традиционной цивилистики представляет **вид теории деятельности**.

Указанное обстоятельство предполагает включение в сферу исследования субъектов (граждан и организаций), применяющих право. Необходимо также — и это самое важное, — чтобы правовые реалии (нормы, институты права и пр.) брались не изолированно, а в органическом единстве с деятельностью, как ее средства и продукты. Деятельность по созданию и осуществлению законодательных установлений, применению юридических рычагов стоит не вне права, а составляет самое содержание права.

Подход к человеку, как к особому звену, включенному в правовую систему, позволяет решать важные вопросы, относящиеся к повышению эффективности функционирования этой системы. Он основывается на учете общественной природы человека как субъекта не только правовой, но главное — производственной деятельности.

Предлагаемое понимание правовой действительности, на наш взгляд, полностью отвечает положениям марксистской философии и общей теории государства и права. Оно исходит из представлений о внутреннем диалектическом развитии исследуемого социального феномена, его экономической обусловленности, классовой природы, предполагает последовательное проведение принципа историзма и т.д.

Зависимость права от социально-экономических условий, другие наиболее существенные его черты с достаточной полнотой освещены в юридической научной литературе. Поэтому автор имел возможность, опираясь на уже достигнутое, не повторять многих общепризнанных положений, составляющих систему обобщенных представлений о праве, а исследовать вопросы, непосредственно относящиеся к теме работы.

Нельзя не отметить нерешительность правоведения в развитии представлений о своем научном объекте. Так, В. М. Сырых подчеркивает требование Маркса брать исследуемый предмет в виде человеческой предметно-чувственной деятельности. Однако в итоге опять-таки делается вывод о том, что «объект правовой науки в целом и отдельных юридических наук составляют нормы права, юридическая практика и социальная практика в той части, в какой она обуславливает формирование и развитие права»¹. Исследование по традиции предлагается начинать с норм, оставляя анализ практики на втором плане. Но этот путь неизбежно ведет к поверхностному комментаторству, простому описанию действующего законодательства, дополняемому примерами из практики правоприменения.

Другой онтологической идеей, приведшей к разработке теории гражданско-правовых средств, было понимание **необходимости более полного**

¹ *Сырых В. М. Метод правовой науки (основные элементы, структура). С. 48, 55.*

учета роли человека в реализации права. «Для нас, — отмечал К. Маркс, — исходной точкой являются действительно деятельные люди»¹. Между тем нормативное воззрение исходит из представления о непосредственном, осуществляемом через юридические факты воздействии правовых норм на социальную действительность.

Нечеткость такого подхода проявляется прежде всего в том, что он создает видимость существования автоматического, не зависящего от деятельности людей влияния законодательства на общественные отношения. Системы норм, на анализе и разъяснении которых нередко замыкается правоведение, приобретают способность как бы к самостоятельному функционированию. Правовой эффект истолковывается как результат «действия правовых норм».

Марксистской философии свойственно понимание общества как системы, в которой действуют люди, использующие различные, в том числе правовые, средства для удовлетворения своих потребностей и интересов. К. Маркс подчеркивал, что «именно *человек*, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется»². Указанное положение должно признаваться исходным и для изучения права.

Общим методологическим требованием, предъявляемым ко всем ракурсам научного познания, является объективность. С этой стороны нормативный подход в правоведении нельзя признать достаточным потому, что он элиминирует человека, забывает и игнорирует наиболее важный элемент юридической системы — самих субъектов. В большинстве исследований вопрос о роли человека в реализации права остается нераскрытым.

Регулирующая роль права не может осуществляться путем издания законоположений, без усилий людей и специальных органов, обеспечивающих их исполнение. Влияние человеческих усилий на результаты применения права — отнюдь не те ничтожно малые величины, которыми можно пренебречь. Одним из основных положений теории управления служит то, что во всякой социальной деятельности человеческие факторы (организационный и исполнительский) являются решающими для достижения целей.

Поэтому в противовес нормоведению следует настаивать на определяющем характере человеческой деятельности для понимания сущности права, подчеркивать ведущее значение действий субъектов в осуществлении правового регулирования. Указанные принципиальные моменты невозможно опровергнуть или обойти рассуждениями о дополнении анализа «действия норм» конкретными правовыми исследованиями, учетом поведения субъектов и т.п. Неточно выбранные исходные позиции не могут привести к верным результатам.

Принятие правовой деятельности в качестве объекта исследования позволяет преодолеть еще одно затруднение философского характера, которое нередко ускользает от внимания. Речь идет об учете фактора человеческого сознания. При изолированном анализе норм оно оказывается внешним по отношению к праву. Отсюда проистекает выделение правосознания в отдельное, автономное явление. Правосознание рассматривается

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 3. С. 25.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 2. С. 102.

как «хотя и активно взаимодействующее с правом, но находящееся лишь рядом с ним, существующее как бы параллельно с правом»¹.

Материалистическая философия и советская психология исходят из того, что внешняя, практическая деятельность и деятельность внутренняя, т.е. идеальная, в целом едины, имеют общее строение. Выражая сущность различия идеалистического и материалистического понимания сознания, К. Маркс указывал, что «при первом способе рассмотрения исходят из сознания, как если бы оно было живым индивидом; при втором, соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как их сознание»². В силу общности строения внутренней духовной и внешней практической деятельности их отдельные структурные элементы «могут переходить и действительно переходят друг в друга, так что внутренняя деятельность постоянно включает в себя отдельные внешние действия и операции, а развитая внешняя практическая деятельность — действия и операции внутренние, мыслительные»³.

Выдающийся советский психолог А. Н. Леонтьев выдвинул требование о необходимости преодолеть в психологических исследованиях «представление о психике как о сущности, имеющей свое особое существование, благодаря чему она якобы может входить в состав материальных процессов, взаимодействовать с ними, вмещать в себя нечто и т.п.»⁴. Предлагаемая им программа предполагает целостное рассмотрение человеческой деятельности и сознания в любой сфере общественного бытия, следовательно, — и в правовой.

Раздельное изучение правосознания и звеньев правового механизма представляется весьма проблематичной теоретической операцией. Сознание должно пониматься как обязательное условие и момент осуществления юридической деятельности. И. Сабо высказывает мнение о необходимости рассматривать «право и правосознание в единстве» (но не отождествляя их)⁵.

Затруднения, порождаемые попытками изолированного исследования правосознания, снимаются при «деятельностном» подходе, поскольку в нем акты человеческого сознания оказываются вплетенными в правовую практику, неразрывно, соединенными с ней. Таким образом, деятельностьная установка органически вписывает аспекты сознания в картину изучаемой деятельности, не вызывая необходимости удвоения, рассмотрения сознания в составе правовых процессов и отдельно, как правосознания.

Оценивая социальную направленность нормативного воззрения, следует отметить, что оно имеет характер реагирования, а не созидания, творчества. Оно больше ориентирует на следование предписаниям, нежели на инициативу исполнителей. Такая позиция скорее пассивная, чем актив-

¹ *Туманов В. А.* Вступительная статья в кн. Сабо И. «Основы теории права». М., 1974. С. 8.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 3. С. 25.

³ *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1965. С. 312.

⁴ Там же. С. 337.

⁵ *Сабо И.* Основы теории права. М., 1974. С. 13.

ная. Объяснить и оправдать подобный взгляд самой спецификой права как инструмента регулирования общественных отношений можно, если выделить в нем одну сторону — принуждение. Но такой взгляд будет односторонним, а потому неточным.

Чем сложнее становятся проблемы, решаемые с использованием права, тем важнее обеспечить инициативу и активность советских людей в практическом исполнении законов. Это принципиально новые моменты в социально-экономическом и управленческом планах, которые несет в себе право развитого социализма. Задача содействия проводимому Коммунистической партией курсу на широчайшее участие советских людей в обеспечении социалистической законности, развитие инициативы и деловитости на всех участках с большим успехом может решаться правоведением на основе деятельностного подхода.

Онтологические представления об объектной области науки, способ определения ее содержания — не абстрактное теоретизирование, а весьма практическая вещь. Концепция деятельности делает наше понимание правовых реальностей более точным. Она ориентирует цивилистику на более глубокое исследование гражданского права как структурно сложного, динамичного объекта, позволяет подойти ближе к значительным обобщениям и проблемам.

Изложенное дает основания утверждать, что имеется ряд случаев, когда сложившиеся исходные представления науки гражданского права оказываются недостаточными для описания и исследования взаимоотношений и свойств изучаемых феноменов. Недостаточность традиционных подходов к исследованию права существует лишь с определенной точки зрения, а не вообще; указанные подходы не удовлетворяют как модель правовой действительности в некоторых отмеченных выше аспектах. Эти недочеты снимаются концепцией деятельности, в которой помимо классических характеристик юридических реалий фигурируют и учитываются дополнительные значения, порождаемые действиями субъектов.

Здесь хотелось бы подчеркнуть два важных с философской точки зрения вывода, вытекающих из сравнения нормативного и деятельностного представлений об объекте теории гражданского права. Первый состоит в том, что трактовка объекта как вида социальной деятельности не отвергает возможности рассмотрения его как системы норм и отношений, не вступает в противоречие с ним. Она лишь разрушает иллюзию абсолютности и единственности существующей концепции, способствует уяснению ее природы и места в правовой науке.

А. М. Бутлеров отмечал, что «когда исследования приводят к новым результатам, то старая теория отстывает перед новой, оставаясь, однако, истиной внутри своих границ»¹. Различные концепции в правовой науке следует рассматривать не как исключения, а как в конечном счете дополняющие друг друга, поскольку разработка всякого нового направления, охватывающего новую предметную юридическую область, расширяет наше знание о сущности права, сфере и возможностях его применения.

И второй вывод. Не игнорируя представлений традиционной цивилистики, предлагаемая концепция ставит вопрос о правильности хода слож-

¹ Бутлеров А. М. Соч. — Т. 1. М., 1953. С. 37.

ного процесса познания права, выборе направлений исследования. При построении научных концепций в большинстве случаев (как показывает история науки) приходится сознательно абстрагироваться от многих, даже существенных в другой связи фактов, вполне отдавая себе отчет в том, что упущено, а затем дополнять построенную модель иными содержательными характеристиками либо конструировать новую. Данная работа предопределяется потребностями развития правовой науки и общественной практики. С точки зрения теории познания такой способ исследования в правоведении ничем не отличается от последовательности познавательных действий в других областях знания.

§ 3. Методологические принципы проведения исследования

Для реализации предложенных онтологических установок недостаточно лишь доводов, относящихся к сфере философии. Непосредственное значение имеет доказательство самой возможности построения нового, «деятельностного» направления гражданско-правовой теории. Такие обоснования должны, в частности, состоять в определении основных направлений научного поиска, показе методологических средств проведения исследования.

В ситуациях становления новых областей знания, когда строятся различные исследовательские программы и гипотезы, возрастают актуальность и удельный вес собственно методологической работы. На стадии разработки теоретического направления задача его обоснования в значительной мере сводится к обоснованию методов выполнения исследования. Этим обстоятельством обуславливается повышенное внимание к методологическим проблемам в настоящей книге.

Четкая характеристика и классификация методов проведения исследований в правоведении отсутствуют. Сложность создания подобной классификации связана с тем, что совокупность методов правовых исследований постоянно развивается, часть из них находится в состоянии формирования, разработки. Попытки классификации методов изучения права предприняты в последнее десятилетие рядом ученых¹. Предложенные ими системы могут быть приняты, однако, как ориентировочные и с рядом оговорок.

Специальное рассмотрение методологических средств диктуется не стремлением построить некоторую законченную их систему, провести «опись» по заранее намеченной схеме. Задача состоит в выработке целостного представления о типах методологических средств, необходимых для изучения гражданско-правовой деятельности, теоретико-познавательных возможностях каждого, связи между ними.

По мнению отдельных ученых, методы правовой науки в зависимости от сферы их применения сводятся к четырем видам: 1) метод материалистической диалектики; 2) общие приемы (анализ и синтез, индукция и де-

¹ См., напр. : **Методологические проблемы советской юридической науки.** М., 1980; **Проблемы методологии и методики правоведения.** М., 1974; *Денисов А. И.* Методологические проблемы теории государства и права. М., 1975.

дукция, аналогия, сравнение, системно-структурный подход, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному и др.); 3) специальные методы (статистический, математический, кибернетический, социально-психологические приемы и др.); 4) частно-правовые (формально-логические методы толкования права, сравнительно-правовой метод)¹.

Приведенная классификация во многом спорна. Едва ли точно относить к числу методов правоведения такие способы выполнения мыслительных операций, как анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, сравнение. Метод науки не должен отождествляться с совокупностью логических приемов исследования. Правовая теория использует те же общелогические приемы, что и другие науки, т.е. индукцию, дедукцию, аналогию, гипотезу и т.д. Однако названные правила мыслительной деятельности представляют собой общие требования логики и не несут специальной методологической нагрузки, в том числе юридикто-методологической. Они служат средствами получения логически правильного, а не истинного научного знания.

Ф. Энгельс указывал на ограниченную роль индукции и дедукции в познании². В философской литературе отмечалось, что дедуктивный метод есть лишь разновидность логического анализа, и высказывалось мнение, что «более строго нужно бы говорить об индуктивном и дедуктивном элементах исследования»³.

Представляется спорным определение статистических, математических, кибернетических, социально-психологических приемов в качестве специальных методов правовой науки. Прежде всего названные приемы научной работы не связаны исключительно с правоведением, они чрезвычайно широко применяются в других областях знания. Поэтому их скорее следовало бы отнести к общенаучным методологическим средствам. О. А. Гаврилов, в частности, отмечает необходимость применения кибернетики в праве в качестве теории (методологического средства) среднего уровня⁴. Кроме того, математика, кибернетика, социальная психология пока слишком мало дали правоведению в его основных направлениях, чтобы признать их своими специальными методами.

Выявление методов научной работы, их типология и классификация составляют методологическую задачу. Диалектическая философия рассматривает методологию как общую теорию методов, как «определенный вид знания, формирующийся в ходе философско-гносеологического анализа реальной практики научного исследования»⁵. Определяя сущность собственно научных методов, болгарский философ Т. Павлов писал, что они представляют «пересаженные» или «переведенные» в человеческом

¹ См. : *Сырых В. М.* Метод правовой науки (основные элементы, структура). С. 13.

² См. : *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 20. С. 543.

³ *Яненко Н. Н.* О соотношении индуктивного и дедуктивного методов в математике // Методологические проблемы современной науки. М., 1979. С. 56.

⁴ См. : *Гаврилов О. А.* Математические методы в юридической науке // Методологические проблемы советской юридической науки. М., 1980. С. 274—275.

⁵ *Панин А. В.* Диалектический материализм и пост-позитивизм (критический анализ некоторых современных буржуазных концепций науки). С. 93.

сознании объективные закономерности, используемые сознательно и планомерно, как орудие объяснения и изменения мира¹. Отсюда следует, что **научный метод есть выработанное теоретическое знание, взятое в особой функции, — как средства, инструмента для получения нового знания**. Познавательная роль методов заключается в том, что они позволяют выявлять и фиксировать основные связи (закономерности), свойства и отношения изучаемых объектов.

Типологизация методологических средств проводится по разным основаниям. Одним из них служит **общее назначение средств в процессе исследования**. По названному критерию могут различаться методологические средства:

- 1) обеспечивающие представление объекта исследования;
- 2) образующие способы выработки теоретических знаний;
- 3) служащие для обработки и первичной систематизации эмпирического материала.

Средством представления объекта исследования выступает прежде всего система онтологических установок. Методологическая роль онтологии в научном познании весьма многостороння и значительна. Онтологическая картина не только образует философский фундамент исследования. Она помогает ученому сформулировать представление об объекте науки, регулирует отбор и теоретическое объединение эмпирического материала, подлежащего изучению. Например, трактование права как системы норм либо как особого вида социальной деятельности с необходимостью приводит к возникновению разных концепций, объясняющих сущность такого объекта, обуславливает различия направлений его исследования, ожидание неодинаковых результатов научной работы. Способ представления объекта методологически ориентирует ученого на выявление определенных черт, признаков, связей заданного объекта.

Для становления и развития каждой науки чрезвычайно важны **методологические средства, обеспечивающие получение теоретического знания**. Теории предмета образуют основной результат научной деятельности, один из главных ее продуктов. Методологическими средствами построения теорий служат концептуальные схемы, конструкции, теоретические положения и т.д. Они в целом представляют созданные наукой построения, предназначенные для выработки теоретического знания об изучаемом объекте.

Другим продуктом научной работы являются описания и систематизации эмпирического материала. Обработка эмпирического материала также требует определенного методологического аппарата. В правовых исследованиях наибольшее применение находят пока средства именно этого рода. К ним относятся приемы сравнительного правоведения, способы получения и обработки статистических данных, математический анализ и др.

«Эмпирические исследования, данные, методы — необходимый этап и фундамент разработки правовой теории»². Вместе с тем эмпирический уровень исследований имеет ограниченное значение для познания действительности. Как отмечал Ф. Энгельс, в постижении сущности явлений

¹ Павлов Т. Избранные философские произведения. — Т. 3. М., 1962. С. 498.

² Методологические проблемы советской юридической науки. С. 9.

«эмпирические методы оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление»¹.

Для решения вопроса о типах научных средств, применяемых при проведении исследований, может быть использовано выработанное советскими философами положение об уровнях методологического анализа. Принято различать три таких уровня: философскую методологию; общенаучные методологические принципы и концепции; специально-научную методологию². Соответственно названным уровням анализа выделяются различные типы методологических средств.

П. В. Копнин предлагает различать философские и специальные методы познания, причем последние подразделяются им на общенаучные и частные³. Их специфика в свою очередь влияет на способы научной работы, характер выполняемых операций и процедур.

Таким образом, в зависимости от степени общности, широты охвата изучаемых явлений и процессов может быть названо три типа методологических средств: 1) средства философского характера; 2) общенаучные средства; 3) специально-научные (или частно-научные) средства. Данная классификация нашла широкое распространение, в том числе в юридических науках⁴. Из нее и будем исходить в дальнейшем.

Необходимо прежде всего остановиться на некоторых наиболее существенных аспектах привлечения методологических средств философского характера, т.е. законов и категорий диалектического материализма, к изучению правовых объектов.

Философское знание добывается научными средствами философии. Оно выполняет в отношении конкретных наук важнейшие функции — мировоззренческую и методологическую. В правоведении вследствие непосредственной его ориентации на проблемы регулирования социальных отношений велик вес мировоззренческого компонента.

Наиболее полно роль мировоззренческой позиции исследователя выражена в определении целей научной работы. Деятельность по использованию правовых рычагов зависит от более сложного целого — производственной деятельности общества. Право применяется в неразрывной связи со всей общественной практикой человека и не может существовать отдельно от нее. В силу этого основными конечными результатами исследований должны быть предложения не о логико-смысловом уточнении юридических норм, а о путях, способах более эффективного использования права в решении задач коммунистического строительства.

«Применить научный метод к исследованию государственно-правовой надстройки — значит на деле превратить законы и категории диалектического материализма, суммирующие огромный опыт человеческого познания, в руководящие принципы подхода к материалу юридических наук, его

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 20. С. 366.

² См. : Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия, методология, наука. М., 1972; Юдин Э. Г. Методологический анализ, его основные задачи и формы // Политическое самообразование. 1975. № 8.

³ См. : Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. С. 88.

⁴ См. : Методологические проблемы советской юридической науки. С. 8—10.

исследования и обобщения. Марксистски, методологически правильным то или иное юридическое исследование можно назвать только тогда, когда оно дает обоснованные, продуманные рекомендации для практики в вопросах государственного строительства»¹.

Не менее важное значение для правоведения имеет выработанное марксистской философией понимание роли человека, его социальной активности. Оно позволяет преодолеть распространенный взгляд на человека исключительно как на объект воздействия законодательства, в поведенческом аспекте. Само законодательство при этом получает значение средства, включенного в активную деятельность людей.

Мировоззрение выступает как методообразующий фактор, как посредник между исследуемым объектом и методами работы, действительностью и способами ее познания. Методы отражают те особенности предмета науки, которые выявляются через призму мировоззрения ученого, которые вошли в качестве существеннейших моментов в содержание исследуемого объекта.

Социальной предпосылкой гражданского права как научной дисциплины служит необходимость теоретической разработки проблем правового обеспечения и развития имущественных отношений, защиты экономических и иных прав и интересов организаций и граждан. В решениях XXVI съезда КПСС обращено внимание на важность более эффективного регулирования этих сторон жизни общества. В цивилистике, как и других областях правоведения, установки XXVI съезда КПСС определяют выбор направлений исследований и формирование концепций, играя как мировоззренческую, так и методологическую роль.

Философия опирается на знание наиболее общих законов природы и общества, объясняя мир с точки зрения его единства, взаимосвязи основных свойств, механизмов развития. Этим определяется ее методологическая эффективность по отношению к научному познанию. Энгельс считал показателем развития науки, ее совершенства не только смыкание с практикой, но и соединение с философией². «Знание частного, изолированное и оторванное от философской мысли, вырождается в видимость науки, в самодовольную поверхностность и ограниченность»³. Для человека, лишь формально освоившего законодательство или же занимающегося исключительно его частными, внутренними вопросами, связь правовой теории с собственно философскими предпосылками может оказаться завуалированной. Однако эта связь продолжает иметь место и постоянно обнаруживается в различных ситуациях.

Важным методологическим средством решения конкретных задач юридической науки выступают законы и категории диалектики. В правоведении все большее значение приобретают, например, такие категории исторического материализма, как «деятельность», «практика», общие положения теории деятельности, основы которой были заложены классиками марксизма.

Опыт развития отраслевых теорий деятельности свидетельствует об огромной роли изучения ее реальных видов и форм в конкретных условиях. Это справедливо и для правовой сферы. Концепция правовой дея-

¹ **Методологические проблемы науки.** М., 1964. С. 156.

² См. : *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 1. С. 599.

³ **Философия естествознания.** М., 1966. С. 5.

тельности выступает более фундаментальной системой представлений, нежели формально-нормативный подход, потому что само становление и развитие юридических реальностей должно опираться на закономерности, порождаемые требованиями производственной деятельности общества. Последовательная и глубокая разработка правовой теории деятельности на основе материалистической философии составляет актуальную задачу.

В любой отрасли научного знания ученому приходится оперировать не только специальными терминами своей науки, но и такими, как «содержание», «форма», «свойство», «причина», «следствие», «время» и другими. Указанные понятия представляют философские категории, предельно общим образом выражающие существенные черты действительности.

Раскрывая способы реализации гносеологических функций категорий материалистической философии, В. И. Ленин указывал, что «категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять)»¹. При включении в систему понятий частных наук категории начинают применяться «в привязке» к конкретному научному содержанию. Они работают не автономно, независимо, а в определенной системе, диктуемой основными требованиями теорий и эмпирического материала данной науки.

В результате установления отношений категорий и принципов философии с основными элементами юридического знания философские категории начинают характеризовать некоторые важнейшие свойства и связи правовой действительности. Будучи применяемы в правоведении, они отражают в известной мере специфику правовой материи, приобретают «правовую окраску». Понятие времени в праве принимает вид юридической организации времени, эксплицируясь, в частности, в материально- и процессуально-правовых сроках. Категория пространства ставится в связь с определением круга действия законодательных актов, дислокации органов юридических лиц, места совершения сделок, исполнения обязательств и др. Такое облечение философских категорий в правовую оболочку не уменьшает их значимости, не снижает «гносеологического статуса».

Вместе с тем требование об установлении соотношения между понятиями юридических наук и философскими категориями, а также терминами, заимствованными из других наук, соблюдается не всегда. Примером может служить дискуссия о том, регулирует ли гражданское право производственные отношения. Правовая неопределенность понятия «производственные отношения» ведет к невозможности определения его положения в системе юридического знания, схоластичности спора.

Нередки случаи механического применения в цивилистике других категорий без соблюдения правил работы с ними на конкретно-научном уровне. Подобным образом обстоит дело, например, с использованием категорий «форма» и «содержание». Распространенный характер носят суждения о договоре как правовой форме экономических связей, правовых формах хозяйственного расчета и т.п.² При этом считается, что содержание

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 29. С. 86.

² См., напр.: Бару М. И. План и договор // Ученые записки Харьковского юридического института. — Вып. 8. Харьков. 1957. С. 40—42; Гавзе Ф. И. Социалистический гражданско-правовой договор. М., 1972. С. 26—30.

договора или хозрасчета лежит в сфере экономики. Основанием для такой интерпретации обычно берутся известные слова К. Маркса о договоре: «Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением»¹.

Следует учитывать, что труды основоположников марксизма-ленинизма представляют философские или политико-экономические, а не специально-правовые исследования. На философском уровне, как на наиболее обобщенном уровне научного знания, снимаются разграничительные линии, существующие между отдельными науками, и во всей полноте проявляются взаимосвязи между различными сторонами общественного бытия. В этом случае становится возможным говорить о правовой форме и экономическом содержании явлений, ибо в одном объекте сливаются представления, полученные в плоскостях частных наук.

Суждения об экономическом содержании договора и иных правовых реалий, таким образом, оказываются допустимыми лишь в исследованиях по философии и общей теории права. Они возможны также на стадии разработки онтологических представлений отдельных наук, поскольку онтология представляет такую ступень теоретического обобщения, которая предполагает выход за пределы собственно юридического знания и включает в себя необходимые положения материалистической философии.

Ситуация принципиально меняется, когда исследователь переходит к конкретно-научной работе. Заданные основными правовыми понятиями рамки предмета изучения не позволяют выходить за их границы. Здесь действует требование соблюдения однородности предмета исследования. Поэтому при рассмотрении любого юридического образования через призму категорий «форма — содержание» оказывается возможным выделить в нем **правовую форму** и **правовое содержание**. Применительно к договору формой можно назвать, например, способ фиксирования (устный, письменный), а содержанием — предусматриваемые права и обязанности сторон.

Исходя из целей исследования, форма и содержание могут быть интерпретированы иначе, не утрачивая тем не менее специфически правового значения. Лишь при таком применении названные категории позволяют решать познавательные задачи.

Серьезность ошибок, проистекающих из нарушения указанных принципов, наглядно обнаруживается, в частности, при рассмотрении правовых форм хозяйственного расчета. Так, в работе, посвященной данной проблеме, утверждается, что «хозрасчет как метод хозяйствования, хотя и опосредствуется правовой формой, но не сводится к ней, отличается от нее по своему содержанию»².

При таком подходе содержание хозрасчета оказывается выключенным из сферы исследования и может трактоваться каким угодно образом. Его можно интерпретировать как экономическую категорию, систему организационно-экономических принципов работы предприятия, метод хозяй-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 23. С. 94.

² Масевич М. Г., Покровский Б. В., Сулейменов М. К. Правовые формы хозяйственного расчета производственных объединений и предприятий. Алма-Ата. 1975. С. 28.

ственного управления и т.п. Но каждый такой хозрасчет будет самостоятельным явлением со своим особым содержанием, требующим воплощения в различные формы.

Методологически более верна позиция Ю. Х. Калмыкова, который говорит о хозрасчете в правовом значении, отмечая обусловленность его действием экономических законов¹. В. В. Лаптев, опираясь на данные экономической науки, приходит к выводу о существовании нескольких видов хозрасчета и наличии различных уровней его правового регулирования². Эти результаты получены с соблюдением правил теоретической работы и могут быть признаны более достоверными.

Нуждается в проверке научная корректность применения некоторых других философских категорий. Так, явной неоднозначностью, логической нестрогостью характеризуется использование понятия «общественное отношение» (соответственно — «правоотношение»). Данным термином обозначают связи как между классами, социальными слоями, группами, так и между отдельными субъектами, например, индивидуально-определенные связи по поводу купли-продажи какой-либо вещи. Между тем связи с участием отдельных лиц более точным было бы называть «отношениями в обществе». Классификация их как общественных отношений противоречит, на наш взгляд, применению данного термина в историческом материализме и социологии. Несовпадение уровней абстракций, выражаемых данным понятием в разных его употреблениях, служит причиной затруднений в научной работе³, может приводить к ошибкам.

Философские методы сами по себе не могут заменить конкретных методов науки, соответствующих природе исследуемых явлений. Без использования таких специфических методов познание вырождается в отвлеченное теоретизирование, совокупность построений, носящих умозрительный характер⁴. Поэтому необходимо выявить специфические методы, применяемые в правоведении.

К числу **общенаучных** принято относить такие методы исследования, которые не связаны жестким образом с какой-то определенной областью знания, но вместе с тем не достигают и предельной степени общности, нужной для категории философии. Они характеризуются свойствами «относительного безразличия к конкретным типам предметного содержания... и апелляции к некоторым общим чертам научного познания»⁵. В качестве примера названных средств обычно приводится системная методология, функциональный анализ, восхождение от абстрактного к конкретному и др. Виды общенаучных методологических средств, на основе которых возможно изучение правовой деятельности, будут рассмотрены далее.

¹ См. : *Калмыков Ю. Х.* Хозрасчет промышленного предприятия. М., 1972. С. 16.

² См. : *Лаптев В. В.* Правовая организация хозяйственных систем. М., 1978. С. 144—166.

³ Например, С. С. Алексеев вводит конструкцию обще-регулятивного отношения, субъектом которого является всякий и каждый (см. : *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. — Т. 1. С. 272); И. Сабо вынужден выделять общие и индивидуальные правоотношения (см. : *Сабо И.* Общая теория права. С. 28—31).

⁴ См. : *Философия естествознания.* С. 6.

⁵ *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 70.